

ТАТЬЯНА
МЕНЬШИКОВА

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

остерегайтесь чужих тайн –
они могут стать вашими

RED

RED. Детективы и триллеры

Татьяна Меньшикова

Сухой колодец

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Меньшикова Т.

Сухой колодец / Т. Меньшикова — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2021 — (RED. Детективы и триллеры)

ISBN 978-5-04-169576-7

Жизнь в глухой деревне может стать кошмаром для любого заезжего туриста, но Стас Дубровин отлично знает, как перетянуть на свою сторону местных жителей для помощи в своем деле – вернуть пропавшую дочь отцу-генералу.

Вот только разве мог он предположить, что окажется втянут в совсем другое противостояние, где главное правило – не тронь чужое? Ведь за это можно очень дорого поплатиться. Комментарий Редакции: Бедный Стас Дубровин никак не подозревал, что на его шее затянутся сразу две петли — и любовный хомут, и страшная веревка нераскрытой тайны. Но молодой человек еще не знает: для него уже подготовлена особая виселица.

ISBN 978-5-04-169576-7

© Меньшикова Т., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	18
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Меньшикова

Сухой колодец

Цикл «Сухой колодец», книга 1

1

Перекошенная калитка легко открылась, стоило надавить на рычажок. Серые доски во дворе по старинке заменяли тротуарную плитку. Деревянный дом из сосновых бревен спрятался за открытой верандой, как пожилая дама скрывает свое лицо за потрепанным веером. Стас одним шагом преодолел три ступеньки и оказался под тенью крыши.

Все, что было на веранде, покрывал слой запустения в виде пыли, сухих листьев, каких-то веточек... Всего, что любой ветерок подхватывал играя, а, наигравшись, тут же бросал, нисколько не заботясь о порядке, зачем-то придуманным глупыми людьми...

Оглядевшись вокруг, Стас пристроил свою сумку на относительно чистом столе у края веранды. Открыть немудреный навесной замок для него оказалось делом одной минуты. Неширокие сени встретили его полумраком и сырой прохладой с легким запахом гнилой древесины и плесени, который врывается в ноздри, стоит переступить порог старого деревянного дома. Здесь этот запах старины присутствовал вдвойне – дом простоял запертым несколько месяцев.

Вышарканные доски пола прикрывала самотканая полосатая дорожка. Чередующиеся светлые и темные полосы, сотканые из старого белья, приглушали стук каблуков о доски, но такая звукоизоляция совсем не работала в обратном направлении: жалобный скрип половиц под ногами, тревожа тишину, отчетливо вонзался в уши.

Проигнорировав маленькую дверь с левой стороны, Стас сделал четыре шага и замер перед второй дверью. Уперся в нее ладонью, почувствовав кожей прохладу крашенным досок, толкнул.

Вторая дверь из толстых, плотно подогнанных досок, была не заперта, хотя скважина для ключа имела на видном месте. Смачно чавкнув уплотнителем в виде войлока обтянутого дерматином, она поддалась напору и со скрипом, громкостью превышающим в сто раз скрип половиц, отворилась.

Старый дом тяжело вдохнул свежий воздух, что быстрым утренним сквозняком пронесся по открытым сеням.

Склонив голову перед низким проемом, Стас перешагнул высокий порог. В доме не так, как в сенях, пахло сыростью и плесенью, но затхлость застоявшегося воздуха ощущалась вполне прилично.

Розоватые, от множества мелких цветочков, ситцевые занавески на окнах мало препятствовали солнечным лучам, и в доме было довольно светло.

Хмыкнув над суевериями местных жителей: они побоялись тревожить жилище старой ведьмы и не стали закрывать ставни у пустующего дома, Стас вошел внутрь.

Внутреннее убранство нисколько не отличалось от доброго десятка других домов, в которых приходилось бывать ему раньше. Длинная кухня с двумя окнами, смотрящими на деревянную улицу. Беленая печка в самом центре дома, расположенная таким образом, что каждому помещению доставалось по ее части.

Кухня и обе комнаты выглядели жилыми и были чисто прибраны. Складывалось впечатление, что хозяйка отлучилась на минутку и вот вот вернется...

Не разуваясь, Стас неторопливо прошелся по дому. Полы почти повсюду были прикрыты толстыми коврами и под тяжестью незваного гостя доски протестовали уже не так мучительно, как в сених.

Щелкнув вполне современными пакетниками у дверей, Стас удовлетворенно хмыкнул: алюминиевый диск сдвинулся с места. Тут же за спиной недовольно заворчал пустой холодильник, откликнувшись на подачу электроэнергии.

Просто райские условия для ссылки, усмехнулся про себя гость старого дома и вышел на веранду за сумкой.

Теплое, свежее утро незаметно перевалило в такой же прекрасный день. Стас, прикрыв глаза, замер на крыльце, всей сутью наслаждаясь тишиной и спокойствием, что остались только в дальних деревнях, где сама жизнь плевать хотела на требования и условия современного мира.

Сполна насладившись погодой, Стас неохотно вернулся в дом. Следовало заняться обустройством, хотя он и не планировал задерживаться здесь больше, чем на нескольких днях.

После повторного и более пристального осмотра дома, Стас выбрал для себя ближнюю к входной двери комнату. Судя по количеству вещей и удобству постели, хозяйка предпочитала другую комнату. Стас с легкостью мог преодолеть в себе врожденную брезгливость к абсолютно любым вещам, но сейчас он не находил ни одной уважительной причины, чтобы не брать в расчет свои чувства.

Пусть мягкая и удобная, но все же чужая, сырая постель старой, умершей женщины не была пределом его мечтаний, и он вполне ожидаемо остановился на добротном диване. Подушку и чистое белье Стас обнаружил, порывшись в шкафу.

Часть места в объемной сумке занимали продукты – хлеб, консервы, печенье, макароны. На сегодня хватит, решил Стас, выкладывая продукты на стол.

Еще какое-то время заняли поиски запасных ключей от дома. Каждый раз возиться с замком отмычкой, занятие утомительное, да и не очень законопослушно выглядит со стороны. А если придется отпирать дом под взглядом кого-то из местных? Сразу донесут участковому... Тут никакие родственные связи с бывшей хозяйкой не помогут... Мало ли в мире Дубровиных?

Стас не сомневался, что легко найдет способ уладить недоразумение, но тратить на это время не хотелось. Но еще больше в таком случае станет мешать пристальное внимание со стороны соседей, которые, страдая от отсутствия развлечений, непременно сочтут своим долгом вывести его на «чистую воду». А это уже грозило определенной шумихой и скандалом, чего он хотел избежать всей душой.

Пока же все принимают его за немного чокнутого туриста, племянника умершей местной то ли ведьмы то ли ведуньи, у него есть все шансы управиться по-тихому за пару дней.

Проинспектировав баню, Стас решил, что будет вполне естественно, если он затопит баньку, чтобы смыть с себя дорожную пыль и усталость.

Осмотрев двор и все хозяйственные закутки, колотых дров он не обнаружил. Только десятка два березовых чурок были свалены в бесформенную кучу возле сарая. Старый, ржавый колун валялся тут же, под ногами. Ну что ж... Кто не работает, тот не моется, переделал Стас поговорку на подходящий к случаю лад, и взялся за топор.

С водой оказалось проще: маленький насос в колодце исправно работал, и осталось только расправить шланг и подтянуть его к бадьям в бане.

Баню Стас любил. Ее влажный пар окутывая тело, как вторая кожа, мягко давил, проникая внутрь, казалось, до самых костей. Вдыхая мутный от пара воздух, Стас чувствовал, как капли пота щекотно стекают по коже, оставляя мокрые дорожки. Волосы слиплись на лбу, стали лезть в глаза, откинув их пятерней, он почерпнул ковшиком студеной воды из ближайшей бадьи и вылил себе на голову. Резко мотнул головой, разбрызгивая вокруг себя брызги.

Несколько из них попали на раскаленную печь, та возмущенно зашипела, превращая их в пар. Вода в бадье успела стать теплой и нисколько не охладила тело.

Стас вышел в предбанок. У летней бани был один недостаток – если вблизи не было водоема, то тоска по ледяной проруби ощущалась на физическом уровне.

Прошлепав босыми ногами по отросшей траве к колодцу, Стас сбросил в колодец ведро. Шумно прогремев цепью, оно плюхнулось в воду, нарушив покой зеркальной глади. Несколько мощных рывков, и полное ведро показалось над срубом.

Не раздумывая, Стас легко поднял ведро над головой и опрокинул на себя. Ледяная вода в мгновение остудила разгоряченную кожу.

Белая простыня вокруг бедер намочила, неудобно облепила ноги, сковывая шаги. Стас вернулся к бане, присел на лавку под маленьким окном. Да, баню он любил... Только не всегда удавалось париться в одиночестве... Шутки сослуживцев над его спиной не отличались разнообразием, но это было лучше, чем когда случайные знакомые, заметив его шрамы, зачем-то начинали демонстрировать свои отметины и накручивать себе воспоминания о боли, что они испытали, получив свои «украшения».

Пять полос параллельно ребрам, каждая шириной в сантиметра три, красовались на одной половине его спины, сужаясь к позвоночнику. Блеклые, чуть выпуклые, неестественно гладкие по центру и сморщенные по краям, они напоминали полосы на тигриной шкуре в негативе.

Ожоги от раскаленного металла. По одному в день. Ровно в полдень. Добровольно. Он выиграл. Поэтому сейчас он жив и свободен, а пятеро других здоровых смелых молодых мужчин гниют в земле.

Так называемых арабских борцов за свободу можно было обвинять в чем угодно, но своеобразное понятие о чести было даже у них. И еще им было скучно. Очень скучно. Молодые парни со сверкающими черными глазами из-под чалмы хотели почувствовать кровь врага, им хотелось на себе испытать сомнительный азарт перестрелок и услышать, разрывающий барабанные перепонки, грохот взрывов. Но их командиры медлили, выжидали, тянули время... Подбитый вертолет, перевозящий вражеских солдат, был для них подарком Аллаха.

Несколько сослуживцев умерли сразу, при крушении. Стас и еще пятеро выжили...

Каменный мешок несколько дней служил им тюрьмой. Их не трогали, кормили засохшими пресными лепешками, пока однажды, обкуренные полевые командиры, устав ждать выкуп, не надумали поспорить о человеческой выносливости...

Условия спора на корявом русском Стасу и его товарищам озвучил пожилой араб: каждый день в одно и то же время их будут выводить на середину лагеря. Они должны добровольно, без единого позыва к принуждению, снять рубаху и стоя, замереть, подставив спину под раскаленный металл. Лишний шаг вперед – смерть. Потерял сознание от боли – смерть. Не вылез из ямы добровольно или по дороге на место экзекуции замер в испуге – смерть.

Первый раз идти было не страшно. Их построили в ряд под прицелом, приказали оголить спины. Несколько арабов прошлись вдоль ряда, рассматривая пленных, словно лошадей на рынке. Один, который был повыше, без предупреждения ударил кулаком Стасу в живот. Стас от неожиданности выдохнул, почувствовал, как свело диафрагму, но справился, не согнулся. Араб довольно заулыбался и похлопал Стаса по плечу.

– На тебя ставлю. Большие деньги. Выживешь – отпущу. Слово даю.

Стас выжил. Араб слово сдержал. Стаса, полуживого, через пять дней вышвырнули из кузова пикапа по пути следования российской колонны. Ночь он пролежал на каменистой дороге, глотая пыль от южного ветра и, в перерывах между периодами беспамятства, сочинял сочный матерный рапорт о последних пяти днях своей жизни...

Пар в парилке улегся. Старая железная печка перестала трещать от случайных брызг. Бревна изнутри напитались жаром и теперь нехотя отдавали тепло, делая воздух в бане влаж-

ным и вкусным. Ощущение, будто находишься в чане с парным молоком, портили лишь жесткие полати.

Стас очнулся, растирая кожу до красноты, смыл с себя пот. В очередной раз выплеснул себе на голову таз с холодной водой. Бак с горячей, так и остался – доверху наполненный.

Старый дом, уже налитанный через открытые двери свежим летним воздухом, встретил нового жильца уже ласково, уютно. Оранжевое на закате солнце паялилось прямо в окно комнаты, которую выбрал себе Стас, расцвечивая все вещи в яркие цвета с резкими, четкими длинными тенями.

Пошарив в объемной сумке, Стас достал чистую одежду. Не стал одевать все: черную футболку бросил на спинку стула.

Бывалые пружины потрепанного дивана тихонько скрипнули под весом мужчины, но выдержали, справились, упруго приняли нужную форму, поддерживая тяжелое тело. Стас закрыл глаза.

Через минуту он уже спал.

2

Отдохнувшее тело леностью мышц слабо сопротивлялось желанию хозяина испытать на прочность деревянную перекладину под крышей веранды. Подтягиваться, держась за неструганную деревянную доску – то еще удовольствие. Стас, с трудом дотянув счет до обычной своей нормы, прыгнул на пол. Зубами достал впившуюся в ладонь занозу, сплюнул, и резко обернулся на скрип калитки. Сделал шаг навстречу, хмуро разглядывая неожиданную гостью.

Стройная, легкая, как дикая косуля, девушка, вторглась на его территорию, с напором совсем не подходящим для нежного образа пугливого животного. Глаза незнакомки под сведенными к переносице черными бровями, сверкали решительными голубыми молниями. Какая красота здесь водится, хмыкнул про себя Стас. Быстрым движением дотянулся до футболки, сорвал ее с перил, натянул на себя. Брезгливо поморщился, придется стирать – тело было потное от упражнений. С неудовольствием посмотрел на девушку – не вовремя появилась дама ко двору. Он вовсе не планировал устраивать конкуренцию деревенским парням, но судя по воинственному виду девушки, она просто так от него не отвяжется...

– Ты кто? – смело заявила она, однако подходить близко не стала, замерла в шаге от открытой калитки, на всякий случай сохранив себе путь к отступлению.

Стас чуть склонил голову, на секунду задумался. Может сразу ее вышвырнуть? Хотя нет, еще рано. Не стоит пока ссориться с местными... А от девицы и польза может быть, вдруг, сболтнет лишнего... Он постарался придать лицу приветливое выражение.

– Я – Стас Дубровский, племянник бабы Таси.

Он успел отметить, как у девушки от удивления расширились глаза, как она хотела что-то произнести, резко передумала, сердито поджала губы. Что-то не так, заподозрил Стас, как она выдала:

– Я – единственная внучка бабы Таси. У нее не было ни братьев, ни сестер, и уж тем более, племянников.

Твою ж мать, выматерился про себя Стас. Весь план летел к чертям собачьим, почему Зинович не предупредил его о возможности встретить здесь живых «родственников»?

– Зовут-то, тебя, как, единственная внучка?

– Алиса, – нехотя выдавила девушка.

– Алиса, – протянул Стас, словно пробовал имя на вкус. – Я сын ее младшего брата. Мы никогда не встречались раньше. Связь с бабой Тасей была потеряна много лет назад.

– Ага, а как образовалось наследство, так связь очень быстро отыскалась, – ехидно проговорила Алиса, начиная нервничать. Стоящий перед ней мужчина совсем не походил на деревенского увальня. С нарочито медлительными движениями, он казался взведенной пружинкой, готовой выстрелить в любой момент. Мрачный, пронзительный взгляд темно-карих глаз прожигал насквозь. Вот так родственничек! Интересно, кем он работает? Алиса, как всякая уважающая себя современная девушка, была частым гостем фитнес-клубов, и насмотрелась на образцовый мужской экстерьер. Этот образец, как она успела заметить, пока он не натянул на себя футболку, отличался от фитнес-мальчиков, как матерый волк отличается от выставочных, холеных овчарок.

– Я не претендую на наследство, – проговорил он негромко, не делая попытки подойти к ней ближе, напротив, присел на крыльцо, уперев локти в колени, всей позой выражая максимальное дружелюбие. У него почти получилось, если бы не взгляд исподлобья – острый, оценивающий каждое твое движение.

– Чего тогда тебе здесь понадобилось?

– Подошел отпуск и я приехал знакомиться. Мой отец погиб и родственников, кроме бабы Таси, у меня не осталось.

– Ты немного опоздал, – хмыкнула Алиса. – Баба Тася умерла три месяца назад.

– Меня уже просветили добрые люди, – кивнул Стас. – Зато вместо старой бабушки у меня обнаружилась молодая племянница... Или кто мы друг другу приходимся?

Алиса невольно задумалась. Если ее отец двоюродный брат Стаса, значит, Стас ей приходится двоюродным дядей? Или троюродным?

– Черт, – зло ругнулась Алиса вслух. Да уж... Ситуация...

Она приехала в Коврово вовсе не для того, чтобы заводить себе новых родственников. На семейном совете дом было решено продать. Алиса приехала разобрать личные вещи, что остались от бабушки. Отец порывался сделать это сам, все же деревня была довольно далеко от областного центра и глухомань пугала, не сколько мнимой опасностью, сколько смертельной скукой для молодой девушки, привыкшей к ритму большого города. Но неожиданно, Алисе непременно захотелось поехать сюда самой. Дикие места вдруг стали манить своей нетронутой красотой. Сны о горах, затянутых вековыми елями, были столь явными и отчетливыми, что запах хвои из снов стал преследовать ее даже днем. Чтобы избавиться от наваждения, она, игнорируя возражения родителей, быстро собрала вещи и отправилась в Коврово.

Полтора суток в поезде. Шесть часов в душном пыльном автобусе до Лесного. Полчаса в попутке, водитель которой о существовании автомобильных кондиционеров слышал только по телевизору, десять минут пешком по грунтовой дороге, и вот – она на месте. Последний час ее спасала только мысль о ледяной воде колодца...

Она прошла во двор. Ведро бултыхнулось в воду. Накрутив цепь на ворот, она неуклюже подтянула ведро на бортик сруба, расплескав при этом едва ли не половину содержимого. Зачерпнув полные пригоршни воды, Алиса опустила в них лицо. Довольно фыркая, она повторила процедуру несколько раз. Скинула кроссовки, и остаток воды выплеснула себе на ноги. Немного стало легче. К голове вернулся разум.

– Кто пустил тебя в дом?

– Бобров, участковый ваш, разрешил...

Она вдруг перестала его бояться – он же ее дядя. Не какой-то там посторонний мужчина, а – родственник, хоть и дальний. Родственников не нужно бояться, а вот любить и предоставлять им жилье, она не обязана, особенно дальним...

– Ты не можешь здесь оставаться, – смело посмотрев ему в глаза, выпалила Алиса. – Уходи.

– Нет.

– Нет?!

– Нет, – снова повторил Стас. Спокойно. Весомо. Как будто сваю в землю вогнал. Алиса на мгновение опешила от такой наглости. Быстро взяла себя в руки.

– Тогда я позову участкового!

Мужчина пожал плечами.

– Как хочешь.

Стоять на мокрой траве стало не приятно, Алиса подошла к дому, присела рядом с новоявленным дядей на крыльцо, вытянула ноги, подставив босые ступни под солнечные лучи. Не сразу, но она почувствовала, как невидимые волны-частицы света заканчивали свой путь на ее коже, согревая ноги.

– Послушай... Этот дом принадлежит моему отцу... Ты не имеешь никакого законного права находиться здесь, будь ты хоть трижды моим дядей.

– Ты сказала, что баба Тася умерла всего три месяца назад?

– Ну да... Какое это имеет значение?

– Значит, еще три месяца я могу находиться здесь ровно на тех же правах, что и ты.

– Не говори ерунды, – высокомерно бросила Алиса, уверенная в своих силах и в своей правоте. – Я не стану делить с тобой дом – я тебя совсем не знаю... Ищи себе другой ночлег...

- Нет, – Стас тяжело вздохнул. Поднялся на ноги, направляясь в дом.
- Я иду за участковым! – в спину ему крикнула рассерженная Алиса.
- Валяй, – донесся до ее ушей небрежный ответ.

Спускаться с холма было легко, а вот подниматься... Узкая улица на вершине холма расплзлась в стороны, выстроив по краям добротные избы. Лес отступил далеко за пределы деревни, и столетние срубы лоснились почерневшими боками на солнце. Алисе долго идти не пришлось. У третьего дома она наткнулась на женщину, косившую траву. Древней деревянной косой, она по-мужски широко делала замах и мощно срезала почти под корень траву перед распахнутыми воротами.

- Вы не подскажите, где участкового можно найти?

Женщина обернулась, лихо развернула косу полотном вверх, уткнула косовище в землю.

- На кой тебе?

– По личному, – быстро проговорила Алиса, заранее подготовив ответ на случай любопытствующих матрон.

– По личному... – разочарованно протянула женщина. – Ну, раз по личному, так вон он сидит – пузо греет. Она махнула свободной рукой на дом напротив. Алиса обернулась.

На лавке у забора, спрятав голову от солнцепека под соломенной шляпой, сидел худой мужчина в одних брюках. Блаженно зажмурившись, он подставил тощее тело солнечным лучам. О каком пузе шла речь, Алиса так и не поняла. Живот этого мужчины, даже при великой натяжке пузом назвать было нельзя. Даже сидя, его живот не выпирал, а скорее наоборот, образовывал впадину между грудью и брюками.

- Вы участковый?

Мужчина, приоткрыв один глаз, смерил девушку взглядом, хмыкнул, похлопал по скамейке, предлагая присоединиться.

- Не иначе, с родственником не сошлась?

- Откуда знаете? – вопросом на вопрос ответила немного удивленная Алиса.

– Чего ж, тут сложного – ты Алиса, внучка Таисии. Видел я тебя, когда ты пару лет назад бабку навещала. Хорошеешь, нечего сказать. Мужик, что в доме поселился – родственник ваш. Вчера приехал. Все честь по чести: документы предъявил – фамилия совпадает.

- Ну и что? Теперь все Дубровины мира могут здесь поселиться?

– Ты на меня не бухти. Мое дело маленькое. Свою работу я выполнил... Если тебя что конкретное не устраивает – так и говори!

- Велите ему убраться из моего дома!

- На каком основании, позволь спросить? Мордой не вышел?

- Он чужой! – Алиса начала закипать.

– Не моя забота, – мотнул головой участковый. – Вот если бы, что конкретное ты заявила... Ну, там, шибанул он тебя или еще чего...

- Он незаконно проник в чужое жилище! Этого недостаточно?

– Кто ж знает, чье это жилище сейчас? Таисия померла... Шесть месяцев, стало быть, не прошло. Сын ее, отец твой, пропал из виду. Откуда ж, я знаю, чей это дом сейчас? Вот ты бумажку мне можешь показать от закона, что дом твой? – лукаво скосив глаза, спросил Бобров.

- Нет.

- На нет и суда нет, – развел руками в стороны участковый. – Как побьет – так приходи.

- Он мне угрожал! – Алиса решила идти до конца. – Вы обязаны реагировать!

Участковый тоскливо закатил к небу глаза.

– Расселся, черт тощий! Убивать будут, а ты и с места не сдвинешься! – баба, с другой стороны улицы, бросив косу и воинственно уперев руки в крутые бока, пришла на помощь

Алисе. – А ну, Алексей Викторович, ступай! Помоги девушке! За что только тебе деньги государство платит!

Лицо у участкового от воплей соседки перекошило, словно он съел лимон.

– Валентина! Что ты лезешь в каждую щель?

– Да если бы я не лезла, у нас тут давно бы уже бандитский притон был!

– Да иду я, иду, – с досадой крикнул мужчина.

Стас подждал их на крыльце. Вздорная девица таки притащила участкового. Светить удостоверением не хотелось. В таких местах столичная власть не приветствовалась и вместо помощи в нужный момент вполне можно ожидать, не ножа в спину, конечно же, а вот черенком по хребту – это да, это они могут...

– Добрый день, – вполне приветливо обозначился участковый, шагнув во двор. – На вас жалоба поступила. Вы зачем девушку пугаете?

Стас поздоровался, поднялся на ноги. Начинается... Как же ему надоели эти взбалмошные столичные барышни!

– Отойдем на минутку, Алексей Викторович? – предложил он и, подхватив участкового под локоток, вывел за калитку.

Сухой ветер, разогнавшись с холма, тут же обрадовано зацепился за их одежду, за волосы, бросил в лицо пригоршню пыли. Верхушки редких берез вдоль улицы громко зашептались друг с другом, словно старые сплетницы...

– Алексей Викторович, мы вроде, как вчера все порешили? Я отпуск выбил, приехал с родственниками знакомиться, заодно на природе побыть: рыбалка, грибочки... Ничего не нарушаю, веду себя смирно. Какие ко мне могут быть претензии?

– Так, племянница твоя, Алиска, жалуется на тебя. Мол, ты у нее дом бабкин отжать собираешься...

– Не собираюсь. Дом мне и даром не надо, – мотнул головой Стас. – Я как увидел ваш лес, горы... Такой красоты в Подмосковье нет. Я всего месяц поживу, сил наберусь и уеду.

– Где служишь то, любитель красоты?

– Механик я. Буровые установки в порядок привожу... Три года без отдыха, вот и выбил отпуск на три месяца... Месяц, два – у вас, потом в Сочи рвану, на море.

Участковый фыркнул себе в редкие усы, мотнул головой.

– Ты меня за дурочка-то не держи. Из тебя механик, как из редьки апельсин. Я, мил человек, не всю жизнь курей пропавших ишу, да бабские склоки разнимаю. Навидался я служивых... Трепать можно, что угодно, взгляд не спрячешь...

Стас улыбнулся, не стал возражать, но и подтверждать догадку не стал.

– Я тебя трогать больше не буду, – проговорил Алексей Викторович и, положив руку на сердце, просящим тоном произнес, – Только ты с Алиской, ради Бога, сам разберись. Ну, чтоб девка мне нервы не трепала понапрасну.

– Попробую, обещать не могу... Уж чересчур прыткая мне племянница досталась.

– Это – да. Это она в Таисию пошла...

Пожав на прощанье руки на глазах у рассерженной Алисы, мужчины мирно разошлись. Бобров, помахивая кожаной папкой, отправился на свою любимую лавку, а Стас поднялся на крыльцо. Задумчиво побарабанил пальцами по перилам.

– Давай дружить, а?

– С какой стати?

– На дом я не претендую. Поживу здесь какое-то время и вернусь на работу. Я три года в вечной мерзлоте ковырялся. Там, когда ночь заканчивается, вместо утра снова ночь начинается. И так месяцами. А вокруг – абсолютно ровная земля. Ни холмика, ни деревца, ни травинки выше лодыжки. Вроде воля-вольная кругом, а спрятаться, одному побыть – негде. Люди умом трогаются.

Стас знал, о чем говорил. Однажды ему пришлось проторчать в таком месте несколько недель.

– Понимаешь, я когда сюда приехал, тайги вашей коснулся... Я надышаться не могу... у меня голова кружится от вашего воздуха. Глазам своим до сих пор не верю – разве бывает такая красота? – он кивнул в сторону леса.

С крыльца, через забор был хорошо виден склон, затянутый, как темно-зеленым ковром с густым ворсом, вековыми елями. Плотной, колючей щетиной они выстроились на подступе к Плешивой горе. Верхушка которой желтела пожухлой, выгоревшей от солнца, травой, в редких серых пятнах скальной породы.

Алиса вдруг согласилась. Поняла. Вспомнила, как летала во сне, задевая пятками колючие макушки. Вспомнила тянущую тоску, мучавшую ее последнее время, пока она не решилась отправиться в дорогу. Протяжно вздохнула.

– Паспорт покажи.

– Идем.

Он сразу прошел в свою комнату, склонился над сумкой, дернул молнию на неприметном кармане с боку на сумке.

– Любишься на здоровье, – мужчина протянул паспорт Алисе.

Она подхватила бордовую книжицу, вышла на кухню. Стас проводил ее взглядом, вернулся к сумке. Достал синий баллончик с репеллентом, тонкую куртку, цвета старых листьев.

– Ну все, теперь я все про тебя знаю, – донеслось из кухни. – И мои родители, между прочим, тоже.

Стас с легким любопытством выглянул из своей комнаты.

– Я отправила фото твоего паспорта по мессенджеру свои родителям! – гордо заявила Алиса. – Если со мной что-нибудь случится, то тебя непременно найдут!

Святая простота! Стас не стал разочаровывать девушку. Мобильная связь в этой деревне приказала долго жить еще несколько месяцев назад. Последняя весенняя лавина из плотного, напитанного влагой снега снесла сотовую вышку. Восстанавливать которую, сотовики не торопились. Затраты не окупались... Пока власть не профинансирует, сотовики сюда носа не покажут. Так что по Интернету его фото вряд ли кого порадует, а с памятью ее телефона он разберется позже, при удобном случае...

– Пойду пройдуся, – вместо ожидаемого возмущения откликнулся он и, закинув через плечо куртку, вышел из дома.

Коврово растелилось своими домами и огородами в неширокой долине меж двух пологих гор, частично захватив один склон. Деревня, ляпистыми крышами (и сюда докатился прогресс, крыши домов были закрыты не серым шифером, а разноцветными листами профилированного металла, имитирующим черепицу), неровными участками и заборами резала глаз, внося дисгармонию в природный пейзаж, словно заплатка из дешевого ситца на благородном зеленом полотне бильярдного стола.

Пройдя сквозь всю деревню по центральной улице, Стас вышел за жилую территорию и оказался на дороге ведущей в большой мир. Не раздумывая, он шагнул с дороги на обочину, легко перепрыгнул неглубокий кювет, и углубился в лес на десяток метров.

Идти было легко, несмотря на довольно неровный грунт. Молодые елки по опушке ограждали его от любопытных взглядов из деревни и Стас, неторопливо, рассматривая чуть ли не каждую травинку, отправился в обход деревни по широкой дуге ровно вдоль лесной кромки.

3

Перебирать личные вещи мертвого человека – странное ощущение. Как будто пытаешься залезть в чужую шкуру. Становится немного стыдно за свою беспардонность и даже где-то на краю сознания, боишься, что тебя застигнут врасплох. Но такое чувство накрывает только в первую минуту. Потом приходит понимание, что уже никто тебя не отдернет, не запретит, не отругает. Стыд отходит на второй план и просыпается интерес.

У мертвых нет личных вещей, личное – это привилегия живых.

Бесцеремонно разглядывая, трогая, примеряя чужие вещи, читая письма не предназначенные для наших глаз, доставая предметы, скрытые от посторонних в дальних уголках шкафа, мы разрушаем знакомый нам образ человека.

Даже не догадываясь об истинных мотивах человека, обнаружив поразившую нас вещь, мы начинаем додумывать, приписывать новые черты характера умершему. И уже некому нас переубедить. Спрятанная стопка денежных купюр может заставить думать о мертвом, как о скряге, совсем не принимая во внимание тот факт, что покойник, будучи еще живым, заранее позаботился о своих похоронах, не озадачивая денежными вопросами родственников. А найденные эскизы под плотной тканью, с полным набором кистей и масляных красок, вовсе не значат, что покойный тайком учился рисовать и мечтал о славе гениального художника. И никто уже нам не расскажет, что пару лет назад у покойного снимал угол студент. Получилось так, что этого студента забрали на скорой с острым приступом аппендицита. Покойный бережно хранил эти картины, в надежде, что студент за ними вернется. Ведь этот мальчишка так старался, говорил, что это его лучшие работы...

Старый дом был не нужен ни Алисе, ни ее родителям. Никто из них не собирался возвращаться к жизни, которая зависит от сезона и погоды. Алиса слабо представляла себе свою мать, любительницу маникюра и spa-салонов, пропалывающую грядки с морковью.

Девушка неторопливо обошла дом, оценивая предстоящий объем работы. Отец просил ее обязательно найти и привезти старые фотографии, письма... Личные вещи бабушки, те, что не нужны, наказал сжечь... Ее одежду, книги, талисманы, все подозрительные свертки и пакетики. Все продукты, что остались в шкафах, вплоть до сахара и соли... Все наполненные банки и бутылки выплеснуть в отхожее место. То, что не горит, например, статуэтки и банки, он приказал разбить, а осколки закопать в лесу. Отец очень хотел поехать с ней, но так и не смог вырваться с работы.

Выросшая в Москве и воспитанная городским цинизмом, Алиса в глубине души посмеивалась над отцовскими предрассудками. То, что бабушку считали ведьмой, ей было известно еще со школьного возраста. Зажегшийся было интерес, быстро потух, стоило Алисе обнаружить, что бабушка по ночам на метле не летает и черного говорящего кота у нее нет, а Максима из параллельного класса она приворожить к внучке не может... Взрослея, Алиса только утвердилась в своей правоте: уметь сварить настой из зверобоя и душицы, который вмиг снимает головную боль – не значит быть ведьмой. Да и вообще, к чему все эти танцы с бубнами? Когда уже все давно придумано, исследовано и научно доказано: таблетки от головной боли можно купить в любой заухудалой аптеке. Быстро. Удобно. Практично.

Слепо следовать наказу родителя, Алиса, конечно же, не собиралась. Закапывать осколки в лесу? Еще чего... Сойдет и мусорный бак... Но даже без лишних телодвижений забот хватало не на один день. Алисе и самой было бы не приятно, если бы чужие люди после продажи дома стали бы пользоваться личными вещами ее бабушки.

Комнату, что занял ее новообретенный дядюшка, Алиса решила осмотреть в первую очередь. Шагнула через порог и задумалась. Вчера Стас вернулся лишь поздним вечером, а

сегодня еще с раннего утра объявил, что уходит и гадать, какие из вещей его, а какие бабушки, было как-то неуместно. Наверное, стоит дожждаться его возвращения.

Настрой сбился, Алиса вдруг вспомнила, что человеческому организму для существования требуется еда. В буфете на полке лежали консервы и макароны. Не стала их трогать, а подхватив кошелек, девушка вышла из дома.

Насколько она помнила, ближайший магазин был на горе, сразу за домом участкового.

Еще дореволюционной постройки здание из клинкерного темно-красного, местами почерневшего кирпича заметно отличалось от соседних, бревенчатых домов. Кирпичная кладка веером над дверным и оконными проемами напоминала арочные своды старых тюрем. Алиса остановилась перед высоким крыльцом. Вывеска сообщала, что магазин закрыт на обед.

Возвращаться на полчаса домой, а затем вновь ползти в гору у Алисы не было никакого желания. Относительно чистые ступени заменили скамейку. Девушка вытянула ноги и приготовилась к ожиданию.

Мимо торопливо просеменила вчерашняя тетка, что помогла ей поднять участкового с насиженного места, на секунду замерла перед девушкой, замялась, махнула рукой и поспешила дальше. Должно быть, у нее назрело очень срочное и важное дело, усмехнулась про себя Алиса, раз желание поболтать не взяло вверх.

Не успела тетка скрыться из виду, как к магазину приблизился незнакомый мужчина. Лет тридцати, высокий, худощавый, с жилистыми руками. Его камуфляжная куртка видала и лучшие времена, а вот высокие сапоги были новые. Черный рюкзак висел за его спиной, как сдутая фляга. Стрижка с бритыми висками и длинными на верхней части головы волосами, которые были стянуты на затылке в небольшой хвост. Слишком стильно для деревенского мужика. Не иначе, как турист.

Алиса не стала заострять на нем внимание, равнодушно перевела взгляд вдаль. Мало ли сейчас туристов по велению души решивших отказаться от благ цивилизации?

Мужчина с сердитым видом остановился напротив крыльца в трех шагах от девушки. Он явно желал поделиться с ней своим настроением. Алиса вздохнула, приготовилась к излиянию недовольства городского жителя на ограниченный режим работы деревенского магазинчика.

Мужчина молчал, только еще сильнее поджал и без того тонкие губы.

– Послушайте, что вы на меня пялитесь? Я точно такой же покупатель, как и вы. И не в моих силах ускорить время, – она бросила быстрый взгляд на свой телефон. – Магазин откроется через двадцать минут. По крайней мере, я надеюсь на это.

– Ты внучка Таисии?

Неожиданный вопрос слегка удивил девушку, но вовсе не показался странным. Вероятно, она ошиблась в своих предположениях насчет туриста... Значит, столичная мода на модные стрижки добралась и сюда.

– Да, – ответила она беззаботно. – Мы знакомы?

– Нет, – покачал головой мужчина. – Среди моих знакомых не водится мелкая шушера.

Все еще добродушно настроенная, Алиса лишь недоуменно подняла брови.

– Я смотрю, порядочных знакомых у вас тоже не хватает, иначе бы вам было от кого набраться вежливости...

– Зачем приехала? Распродавать бабкино наследство? При ее жизни ты не очень-то частила.

– М-да... – вздохнула Алиса. Красивый, в общем-то, парень, но проблемы с коммуникацией на лицо.

Красивый парень склонился к ней ближе и, сверкнув глазами, люто прошипел:

– Убирайся из Коврово – никто не купит у тебя ведьмин дом, и родственничка с собой прихвати, пока он ноги в горах не переломал...

Мужчина зло сплюнул себе под ноги, резко развернулся и, оставив за собой последнее слово, ушел прочь.

Что это было? Алиса недоуменно посмотрела ему вслед. Ничем не прикрытая злоба все же достигла цели, и девушка почувствовала, как неприятно засосало под лопаткой. Алиса решительно тряхнула головой, пытаясь выбросить его из головы – она не позволит неуравновешенным мужланам портить себе настроение и управлять своими поступками – и не с такими справлялась...

Дородная женщина с синим платком на голове, поднялась по ступеням и брякнув ключами, открыла дверь магазина, оглянувшись на Алису.

– Заходи, чего растележилась? Здесь в белы ручки тебе никто не подаст, мы тут по старинке работаем... Без Интернету.

Продавщица хоть и ворчала, но без неприязни, скорее по привычке.

Быстро накидав нужных продуктов в пакет, Алиса наивно протянула банковскую карту.

– Шутишь? – засмеялась продавщица. – Ты такими штуками у себя в Москве трясси, у нас, будь добра, готовь бумажечки, на худой конец медяки...

– Черт, – выругалась Алиса. Пошарила по карманам, с трудом наскребла нужную сумму. Расплатилась. С досадой поняла, что осталась без наличных денег.

– У вас банкомат есть в деревне?

Продавщица мотнула головой.

– В Коврово отродясь не было. Нам без надобности... Может, в Лесном?

До Лесного на машине трястись пол часа. Алиса вдоволь налюбовалась этим поселком, когда искала там попутку до Коврово. Низкорослые срубы с двухскатными крышами на скорую руку вытянулись в два ряда между дорогой и неширокой речкой. Народу в Лесном бывало не мало, но на постоянной основе жили всего десятка два человек. Поселок был организован лесорубами, как перевалочная база и Алиса сильно сомневалась, что там имеется банкомат.

Дома, рассовав продукты по полкам, она мешком рухнула на кровать. Какая-то болезненная подавленность завладела девушкой, отодвинув на задний план все запланированные дела. Сквозь полудрему Алиса слышала, как вернулся Стас, загремел посудой на кухне, вдруг вспомнила, что ничего не ела с утра. Собравшись с духом, она выползла на кухню.

Стас, мимоходом мазнув по ней взглядом, отвернулся было, но тут же посмотрел на нее снова. Бледная, взъерошенная, с потерянным взглядом. Совсем не похожая на ту девушку, которая ворвалась во двор вчера утром.

– Как дела? Вижу, ты успела сходить в магазин.

– Да. И кажется у меня проблема – здесь не принимают карты, – проговорила Алиса, нехотя отламывая кусок хлеба. – Последние наличные я благополучно спустила на продукты.

– Какая же это проблема? У меня хватит денег прокормить нас обоих. Мне будет приятно помочь родственнице. Ты поэтому такая кислая? Из-за денег?

Алиса мотнула головой, закинула кусочек хлеба в рот. Долго жевала, раздумывая, стоит ли говорить о странном мужчине у магазина. Как она ни старалась, он все же не выходил у нее из головы.

Стас отложил нож, которым резал хлеб, присел рядом. Понятно, что дело не в деньгах. Произошло что-то такое, что сбilo с ретивой племянницы спесь. А для него это удачная возможность подружиться с девушкой, проявив интерес к ее беде и изобразив сочувствие.

Пытаясь заглянуть ей в глаза, Стас твердо спросил:

– Выкладывай, что у тебя еще случилось?

Она, будто только и ждала этого вопроса, быстро выпалила:

– У магазина я встретила одного человека. Кажется, я ему не понравилась: он довольно грубо велел мне убираться отсюда. И тебе, кстати, тоже.

– И только то? – усмехнулся Стас. – Как он выглядел?

– Молодой парень, с длинными темными волосами.

Стас задумчиво хмыкнул и вдруг резко поднялся. Алиса вскочила следом, стремясь удержать его на месте, вцепилась ему в руку.

– Не надо! Не ищи его! – затараторила она. – Он просто местный сумасшедший, не стоит из-за него беспокоиться.

– Да ты чего? Я и не собирался... – Стас мягко высвободился из ее хватки. – Вспомнил, что куртку забыл в дом занести... отсыреет к утру.

– Извини, я просто подумала...

А что она подумала? Что он бросится на ее защиту? Не пойми от чего? Глупо и немного стыдно. Алиса смущенно отстранилась, отвела глаза. Стас не стал насмешливо цепляться за ее оплошность, напротив, сочувствующе произнес:

– Забудь про него. И в деревнях хватает невменяемых. Не стоит серьезно воспринимать их бредни. При случае покажешь мне его, я с ним поговорю. Не думаю, что у него хватит гонора повторить то же самое в моем присутствии.

Приободренная Алиса прибралась на столе, помыла посуду. Перекинувшись со Стасом еще парой скучных слов, относящихся исключительно к текущему быту, они, не сговариваясь, разбрелись по своим комнатам.

Уже в постели, почти погрузившись в сон, на самом краю яви, Алисе внезапно пришло в голову: все-таки хорошо, что в доме она не одна. Гадкие, нелепые слова в ее адрес, тот посыл, с которыми они были сказаны... Все это она легко переживет и не вспомнит со временем. Главное сейчас не это, главное – чтобы за недобрыми словами не последовали реальные действия. Но, когда за стеной кровный родственник в виде крутого, здорового мужика, любые угрозы мельчают, теряя свою первоначальную значимость.

4

Неожиданные утренние визиты, как правило, не сулят ничего хорошего. И этот не стал исключением. Участковый, с озабоченным видом, без стука возник на пороге дома.

– Чай будете? – поинтересовалась у него Алиса, когда от неожиданности спросонья пришла в себя.

– Я по делу. На родственника жалоб, надеюсь, больше нет?

– Мыладили.

– Приятно слышать. Зови его сюда.

– Его нет, – Алиса развела руками. – Он в лес ушел. После тундры для него наш лес, как противоядие.

– После какой тундры? Ах, ну да... Он же с вахты...

– Зачем он вам? Случилось что?

– Из Лесного новость поутру привезли – медведь человека задрал. После ушел в нашу сторону. Ежели он прямой наводкой к нам рванет, то ночью может и в деревню заглянуть. Надо предупредить всех: чтоб в лес почем зря не ходили. Собаки у тебя на дворе нет – плохо. Какая-никакая, а защита. Голос подаст, внимание на себя оттянет... Стас, как вернется, пусть из деревни пока не ходит. Давно с ним надо было поговорить – не медведь брюхо вспорет, так болота затянут... Он про болото-то знает? Сказала ему?

– Чтобы он меня за полоумную принял? Мало ли, что местные старухи плетут... В болотах люди всегда гибли, это не делает их проклятыми.

– Много ты понимаешь! Не зудит в тебе бабкина кровь.

– Только не начинайте, – поморщившись, как от зубной боли, проговорила Алиса. – Может, все-таки, чаю?

– А давай, – вдруг согласился участковый. – Пока еще Глеб свою мотоциклетку подгонит... Все одно, без него не пойду до «сухих».

– К закодированным, что ли? – усмехнулась Алиса.

– Если бы. Община у нас образовалась за Плешивой горой. «Сухой колодец» называется. Пять мужиков и двадцать баб бесплодных. Живут, как лешие в лесу – эко-поселение, черт их за ногу... Надо предупредить.

– А, эти... Баба Тася писала...

Проводив местного блюстителя закона с полным желудком чая до калитки, Алиса оглядела двор. Со стороны улицы забор был высоким, а вот со стороны огородов... Там через старый штакетник перемахнет и ребенок. Но вряд ли до него доберется медведь. Дом не был крайним, и чтобы из леса попасть в огород, зверю предстоит проделать долгий путь мимо других участков. Он не сможет пробраться сюда, не подняв на уши всех собак в округе. Так что, успокоила себя Алиса, пока не слышно истеричного лая дворовых псов – можно не дергаться. На всякий случай, накинув изнутри крючок на дверь в сенях, девушка вернулась в свою комнату.

Баба Тася отличалась бережливостью и педантичностью, потому все пожелтевшие снимки разложенные в хронологическом порядке по альбомам, Алиса нашла в комодке в идеальном порядке. Альбомы, обтянутые красным бархатом, тяжелой стопой давили на тонкое днище нижнего ящика.

Откинув весомую, бархатистую крышку, Алиса наткнулась на полупрозрачный лист папиросной бумаги. Такой тонкой и хрупкой, что казалось, будто она рассыплется от малейшего прикосновения. Осторожно просунув под нее пальцы, девушка приподняла листочек. С шелестом, похожим на хруст снега под ногами в морозное утро, бумага обнажила первые фотографии.

Пожелтевшие снимки, с нечеткими мелкими деталями, будто специально скрывающими дефекты кожи, (сейчас некоторые особы намеренно так ретушируют в фоторедакторах свои снимки, чтобы скрыть морщинки и тени под глазами), притянули внимание девушки. Большинство людей ей были незнакомы. Мрачные лица, мода на улыбающиеся лица пришла намного позже, строгая, темная одежда. И даже молодожены на снимке в овальной виньетке выглядели так, словно держали за спиной по топору.

Алиса и сама не заметила, как визит в прошлое затянул на несколько часов. Затекая спина взбунтовалась и потребовала движения. Захотелось крепкого кофе. В призрачной надежде, что банка кофе, пусть даже растворимого вдруг окажется в бабушкиных закромах, Алиса раскрыла настежь дверцы древнего буфета, занимающего чуть ли не треть половины кухни. Верхние полки были плотно заставлены баночками различной вместимости. К некоторым из них были приклеены куски белого ленточного лейкопластыря с расплывчатыми неразборчивыми надписями, сделанными синей шариковой ручкой. Банки, похожей на какую-нибудь известную торговую марку кофе, не было.

Алиса заглянула в нижние секции – такие же банки. Только если в верхних преимущественно было жидкое содержимое, то внизу – сухое. В некоторых из них девушка узнала сухие травы. Одна банка показалась ей интересной – сквозь прозрачную стенку был хорошо различимы крупинки гранулированного растворимого кофе. Алиса открутила крышку, понюхала – точно кофе. Победно вскрикнула.

Кипяток, как и положено, растворил гранулы. По комнате расплылся кофейный аромат... и еще какой-то посторонний запах. Алиса подозрительно принялась, помахала рукой над паром, идущим от кружки. Так и есть – запах, похожий на аромат жаренных семечек едва пробивался сквозь плотный кофейный дух.

Алиса отодвинула от себя кружку. Кто знает, что за зелье приготовила баба Тася, может, слабительное это такое, кофейное... Девушка хмыкнула себе под нос. Прав был отец, когда говорил, что все нужно выбросить.

Распахнув одновременно все шкафы, Алиса застыла перед буфетом, оценивая предстоящий объем работ. Десятки банок, от крохотных до трехлитровых. И все нужно открыть, вылить в утиль, а банки уничтожить. Тяжело вздохнув, Алиса выдвинула узкие ящички, спрятанные за нижними створками, ожидая и в них увидеть, если не банки, то свертки или пачки. К счастью для нее, там не было ничего необычного, здесь баба Тася ничем не отличилась от других тысяч хозяек. Один ящик был доверху наполнен пластиковыми и металлическими крышками, в другом ждали повторного использования полиэтиленовые пакеты всех цветов. А вот третий служил складом для канцелярских принадлежностей и стопки исписанных обычных ученических тетрадей.

Заинтересовавшись, наверняка тут рецепты зельеваренья, Алиса открыла верхнюю тетрадь. В надежде найти, от чего помогает растворимый кофе с жареными семечками, девушка пролистала три тетради. Разочарование настигло ее еще после первой, но она добросовестно продолжала переворачивать страницы. Слова были настолько сокращены, что записи больше походили на шифр, некоторые закорючки даже напоминали знаки стенограммы.

Последняя тетрадь в широкую линейку и вовсе была пустой. У самого корешка виднелась бахрома оторванной бумаги. Должно быть, баба Тася использовала эту тетрадь, вместо блокнота с отрывными листами. Девушка вспомнила, что баба Тася упорно продолжала игнорировать современные возможности связи и предпочитала сообщать новости в письмах написанных от руки. С одной стороны, Алиса любила доставать такие письма из почтового ящика, а с другой стороны, очень часто оказывалось, что не все письма доходили в должной последовательности или не доходили вовсе. Отец добродушно ругался на бабушку, но переубедить ее так и не смог.

Солнце перевалило незримую черту зенита и с интересом заглянуло в окно. Потревоженные микроскопические бумажные пылинки заплясали в желтом луче, стараясь спрятаться от взгляда. Глянцевый бумажный лист под ярким светом вдруг растерял свою гладкость и покрылся едва заметной паутинкой теней, лежащих ровными рядами между строк. Алиса заинтересованно pokrutila листок. Вдавленный след от шариковой ручки. Такие остаются на нижнем листе бумаге, когда человек пишет с нажимом по верхнему.

Последнее письмо бабушки, догадалась Алиса. Интересно, мы его получали, или это письмо еще до нас не дошло? Зажав тетрадь в руке, Алиса подставила ее под прямые солнечные лучи. Поэкспериментировав с наклоном, она смогла разобрать лишь одно слово в самом конце письма, видимо написанное с особым рвением – «приезжай!».

На глаза девушки навернулись слезы. Алиса точно знала, что письмо с требованием навещать ее, они до сих пор не получили, иначе непременно выполнили бы просьбу бабушки.

Чтоб развеять накотившую хандру, Алиса, подхватив полбулки хлеба, отправилась к деревенскому пруду. Неглубокий водоем, затянутый ряской и окруженный, как солдатиками, коричневыми макушками рогоза привлекал домашнюю водоплавающую птицу со всей деревни. Бабушка говорила, что у пруда всегда можно отличить деревенского ребенка от городского, не зависимо от внешнего вида: ребенку из деревни и в голову не придет кормить уток и гусей хлебом. А вот городские гости непременно отщипнут горбушку от своей булки.

Алиса была городская. И да, она испытывала странное удовлетворение, когда кормила и без того тучных птиц.

Хлеб быстро кончился, высокомерные гуси и щекастые утки мигом потеряли к ней интерес, занявшись своими птичьими делами.

Алиса присела на траву, наблюдая за размеренной суетой разномастной стаи.

За спиной накатил и вдруг замолк треск мотоциклетного двигателя. Алиса, прищурив глаза и сделав из ладони защитный козырек от солнца, посмотрела на дорогу. Участковый выбрался из люльки и дальше пошел пешком, даже не взглянув в ее сторону. Водитель же, направился к ней. Алиса молча ждала его приближения. Низкое солнце слепило глаза, и лица человека было не разобрать. Неприятная догадка подтвердилась, стоило мужчине приблизиться – ее вчерашний чокнутый знакомый.

– Смотрю, ты не торопишься... – с ходу заявил он, загородив ей вид на пруд.

Вступать с ним в пререкания было заведомо проигрышным делом, он явно не собирался стеснять себя в выражениях.

Алиса вскочила на ноги, быстро отряхнула колени от налипших травинок, развернулась, собираясь молча уйти, как он, сделав два широких шага, преградил ей путь.

– Куда же ты побежала? Бабкины закрома подчищать? Еще не все обшарила?

– Тебя это не касается.

– А кого касается? Вы, городские телки, только и появляетесь там, где маслом намазано, да чтоб пожирнее...

На языке у Алисы сразу завертелись злые, обидные слова про деревенских ленивых мужиков. С трудом сдержавшись, не хотелось наколоть обстановку – слишком разные у них были весовые категории и она заведомо окажется в проигрыше, Алиса разумно спросила:

– Какое тебе дело до меня? Лично я, что сделала тебе плохого?

– Мне? Ничего! Ты никому ничего не сделала! И когда бабка твоя в одиночестве умирала – ты тоже ничего не сделала! Убирайся отсюда по-хорошему, пока в коровьи лепехи не вляпалась по незнанию. Не отмоешься потом.

Резко отвернувшись, чтобы не показать мужчине вдруг подозрительно заблестевшие глаза, Алиса сжала зубы. Намеренно или нет, но он ковырнул еще открытую рану в душе. Ей и без его слов было невыносимо стыдно перед собой, перед бабушкой.

– Что, все? Плотину прорвало? К дядьке жаловаться побежишь?

К дядьке жаловаться? Как же ее бесят самодовольные самцы! Кровь вскипела в жилах и, забыв об осторожности, она прошлась по нему не печатными словами, зацепив всех его родственников до седьмого колена. Затем, решительно толкнув в грудь немного обалдевшего от такого отпора мужчину, Алиса освободила себе дорогу.

Он что-то еще прокричал ей вслед, но бушующий адреналин у нее в крови не позволил расслышать что именно. Строевым шагом, задрав подбородок, она победительницей покинула поле боя.

Вечерело. Тень Плешивой горы напозала на деревню, покрывая дом за домом. Близкие сумерки напомнили о голодном звере, и между лопаток протянуло холодком.

* * *

Стас заблаговременно сошел с тропы за густоту елей, едва услышав трескучий звук мотоцикла. Старый Урал с коляской бодро протарахтел по тропике, везя на себе двух седоков. Участковый на кочках то и дело задира кверху руку, придерживая фуражку. Неожиданно для глухой провинции, водитель соблюдал правила безопасности и черно-белый шлем блестел на его голове, как полированный футбольный мяч.

Проводив взглядом сквозь разлапистые ветви направляющийся в деревню мотоцикл, Стас продолжил свой путь в противоположную сторону. Идти по лесу было легко и приятно. Хвоя пружинила под ногами, как подошва беговых кроссовок. Старый ельник своей плотной кроной глушил подлесок, а слой хвои не позволял расти теневыносливым травам.

Тишина, царившая в лесу, окутывала в невесомую шаль, и каждый лесной звук, воспринимался не ушами, а всем телом, будто провели по коже мягкой кисточкой. Дробь дятла, редкое щебетание птиц, скрип старого ствола... Все эти звуки не врезались настырно в уши, а рассеивалась, мягко растушевывались в постоянном шелесте миллионов иголок.

Стас наслаждался моментом – тот редкий случай, когда от наказания начинаешь получать удовольствие.

Леонид Сергеевич, старый лис, не обманул – тайга в августе, это как дубовая бочка с медом. Ароматная, желанная, упругая. Лоснящаяся от сытости и лености. Но все же это было наказание...

Зинович Леонид Сергеевич, полковник госбезопасности, отправил Стаса восхищаться видами природы не по доброте душевной, а дабы оказать услугу вышестоящему по званию, заодно и щелкнуть Стаса приказом по носу – за излишнюю строптивость и дерзость.

У вышестоящего по званию чина, стало быть, генерала, в семье случилось горе – пропала племянница. Взрослая замужняя двадцатипятилетняя девка в один прекрасный день сложила чемодан, написала прощальную записку и убыла в неизведанные края посвящать себя Матери-природе.

Сестра генерала, мать непутевой девахи, бросилась к брату за помощью, слезно требуя найти и вернуть дочь. Огромная система, получив приказ от генерала, тут же зашевелилась, распростерла свои щупальца во все стороны. Первым делом взялись за мужа. Беднягу трясли неделю. Но так и не смогли притянуть его к исчезновению жены. Подтвердилось только то, что и раньше было всем известно – в своей жене он души не чаял и сейчас страдал ничуть не меньше, чем теща. Вскрыли всю личную переписку девушки. Вытащили на свет все сообщения, все письма, все звонки. Ничего. Пошли по подругам. И тут одна упомянула, что Ольга (так звали пропажу) незадолго до исчезновения отменила с ней встречу, чтобы увидеться с какой-то девушкой, с которой познакомилась, ожидая приема врача. Тут колесо системы закрутилось с новой силой. Врачом оказался акушер-гинеколог одной столичной клиники. Поломавшись для виду, ссылаясь на врачебную тайну и отсутствие официального запроса, он все же выдал диагноз, который беспокоил Ольгу – бесплодие.

В семье ахнули – никто не ожидал подобной новости. Муж был уверен, что жена пьет противозачаточные таблетки, а родители вполне обоснованно считали, что рано еще им с внуками возиться и не торопили дочь порадовать их вечно орущим младенцем.

Новость переварили, осмыслили, но так и не смогли притянуть ее к причине исчезновения Ольги. Выдохнувшие, было, оперативники вновь были призваны искать племянницу генерала, опираясь на новые факты.

На этот раз акушер-гинеколог сопротивлялся дольше. Как уж на горячей сковородке он извивался, увиливал, пытался перенести встречу, неистово требовал официального запроса, пока к нему в кабинет лично не ворвался Главный врач. Угроза увольнением подействовала, и гинеколог выложил на стол полный список всех своих пациенток, озвучив операм все их самые сокровенные тайны.

Быстро обнаружилось, что лишь одна девушка с таким же диагнозом, как и у Ольги проходила по времени приема рядом.

Через час оперативники были у нее дома. И тут их ждал сюрприз – девушка три дня назад собрала чемодан и растворилась в неизвестном направлении, наказав на прощанье ее не искать, а трепетно ждать возвращения. Может через месяц, а может через пять лет...

Процесс пошел по второму кругу. Муж. Мессенджеры. Социальные сети. Подруги.

Вот тут то впервые и всплыло название «Сухой колодец». Эко-община, которая собирала под свое крылышко девушек, потерявших надежду иметь своего ребенка. Обещая им успокоение души через принятие неизбежного. И может быть... если очень стараться... плод завяжется в них благодаря Матушке-природе. Короче говоря, «Сухой колодец» был самой настоящей сектой, маскирующейся под новомодную эко-общину.

В семье ахнули второй раз. Генерал, как услышал про секту, загрустил, расследование велел прекратить, все улики, документы и распечатки – уничтожить. Впереди маячила новая должность и слухи о том, что член его семьи попал под влияние секты, была очень не к стати. Последнее, что он сделал по своим каналам – узнал точное место, где община пустила корни.

Муж Ольги, славный парень Виталик, мужественно пообещал самостоятельно вернуть жену в отчий дом. Уехал в Коврово... и тоже пропал.

Этого уже генерал просто так оставить не мог, и призвал на помощь своего друга и сослуживца полковника Зиновича. Вот тут то они и вспомнили о Стасе. И то, что он отличный оперативник, и то, что он отстранен на время служебного расследования, а значит – совершенно свободен. Стас был идеальным вариантом – не придется оформлять служебную командировку, и фамилии родственников генерала не будут светиться ни в одной сводке.

Приказ был прост и понятен – не поднимая шума, оценить обстановку и, по возможности, вернуть пропащее семейство домой.

Полянка, что предстала перед глазами, тишиной соответствовала лесу. На этом дикая природа заканчивалась, и начинались отметины человека на полотне, созданным природой. Пять небольших, грубо скиданных срубов веером выстроились перед домом побольше. Дом этот, задней стеной упирался в отвесную скалу, высотой метров десяти, практически скрывающую полянку от посторонних взоров и ветра с одной стороны. Широкое крыльцо главного дома защищал покатым козырек. Земля перед крыльцом была тщательно выметена и очищена от иголок, шишек и травы. Перед каждым домом стояли по две-три длинные, грубо сколоченные скамьи.

Стас, притаившись на скале, с интересом принялся рассматривать устройство поселка. Тропа, что вела к поселку от Коврово, огибала скалу слева и теряла свою колею на камнях рядом с крайним домиком.

На первый взгляд казалось, что секта обходится совсем без благ цивилизации. Но потом цепкий взгляд Стаса обнаружил черный глянец толстого провода тянущегося в главный дом из расселины в скале. Выходит, он электричества они отказываться не стали.

За полчаса, что Стас провел в своем укрытии, ничего не потревожило поляну. И когда дверь главного дома отворилась, и оттуда показался мужнина в черной одежде, Стас по настоящему обрадовался – сидеть в засаде всегда веселей, когда есть на что посмотреть.

Мужчина в черном, на вид молодой парень, лет двадцати пяти спустился с крыльца, подошел к автомобильному диску подвешенному на треноге из шестов. И вполне ожидаемо, стал колотить по диску железным прутот. Такие самодельные гонги очень востребованы в определенных местах – дешево и действенно.

Почти одновременно двери пяти избышек распахнулись и девушки в длинных юбках, платках и кофтах с длинным рукавом высыпали наружу. Девушки чинно расселись на лавках перед своими домиками, благопристойно сложили руки на коленях и замерли.

Стас насчитал шестнадцать девушек. Сколько он ни вглядывался в лица, узнать среди них Ольгу не смог. Возможно, дело было в том, что на фотографиях, которые ему предоставили родители девушки, она была при полном макияже и не без фильтров фоторедакторов. Здесь же все девушки являли свое лицо свету таким, каким его изначально задумала природа. Не иначе, как на зеркала в общине полный запрет, усмехнулся Стас.

Только все дамы заняли места в партере, как на крыльце главного дома возник второй мужчина. Он был старше первого примерно раза в два, но все еще крепкий и подтянутый. Гладко выбритый, коротко стриженный, выправкой он походил на военного – прямая спина, четкие, экономные движения. В отличие от молодого, второй мужчина был одет в одет в белую рубаху и белоснежные же брюки.

При виде этого человека по рядам девушек пронесся быстрый шепот, на их лицах появились улыбки, и они непроизвольно подались вперед, не отрывая горящих взглядов от мужчины.

– Милые мои, – заговорил мужчина. – Любимые мои девочки. Вы все здесь уже не первый день и прекрасно знаете, как я страдаю вместе с вами, и вместе с вами ишу слово и дело, чтобы доказать нашей Матери, что вы достойны... Достойны продолжать жизнь! Достойны радовать нашу мать детьми и внукам!

Голос мужчины, глубокий, мощный, мягкий веял над поляной, сладкой патокой затекая в женские уши. Девушки слушали его разинув рты.

Стас высоко оценил мастерство оратора. Каждая женщина в своем несчастье ищет поддержку. Кто у мужа, кто у отца, кто у друга...

Мужчина в белой рубахе обращался ко всем сразу и одновременно к каждой... Он умело жонглировал словами, играл интонацией и ритмом, задевая нужные струны в каждой слушательнице. Любая могла представить его тем, кем хочет – возлюбленным, отцом, мужем, братом, другом... Каждая с радостью переложила с себя тяжесть бессмысленной вины за свое пустое чрево на широкие плечи мужчины. Он достойно и трепетно принял эту тяжесть и... передал ее на широком блюде Матери-природе. Да так ловко, что у слушательниц и в мыслях не возникло, что им профессионально дуруют голову.

Милые головки мужчина дурил еще минут пятнадцать. Завершил же он свою речь пригласением трех из девушек на индивидуальную встречу в порядке очередности.

– Первой жду Машеньку. Потом пусть заходит мой Светик-светлячок, ну, а после Кристина, милая картина. И девоньки, помним – по одной не ходить!

Со счастливыми лицами девушки медленно разбрелись по домам.

Забавная секта, хмыкнул про себя Стас, исключительно для девушек. Причем, симпатичных девушек. Он не приметил ни одной старше тридцати лет.

Без единого шороха, Стас отодвинулся от края скалы и направился к дороге, ведущей к «главному» входу в поселение.

Вблизи домики уже не казались маленькими – вполне приличные срубы. Стас прошел на площадь перед большим домом и замер, оглядываясь. Из окон на него тайком пялились девушки, но выходить на улицу не спешили. Он тоже не спешил, с нарочитым любопытством разглядывая поселок. С такого ракурса было видно, что черные провода тянутся от генератора лишь к главному дому. Выступ скалы, на которой прятался Стас, закрывал от него и мотоциклы – Урал с коляской и две новенькие Ямахи. Там же, рядом с расселиной под навесом спрятались и бочки с топливом.

С преувеличенным интересом Стас крутился вокруг своей оси, изображая туриста. Он уже чувствовал на себе изучающий взгляд и с нетерпением ожидал, когда же до хозяев дойдет, что просто так уходить он не собирается.

Скрипнула дверь, и на крыльце главного дома показался молодой парень в черной одежде. Несмотря на настороженность во взгляде и движениях, он сумел добавить вежливости и доброты в голос.

– День добрый. Чем могу служить?

– О, – воскликнул Стас. – Я уж было, подумал, что набрел на мертвый поселок.

– Вы заблудились? Должно быть, вы следуете в Коврово?

– Напротив, я – к вам.

– К нам? – вполне искренне удивился парень. – К нам редко заглядывают гости без причины. Вы по какому вопросу?

– Мне бы побеседовать с вашим боссом.

– У нас нет босса – мы все равны перед Матушкой.

– Само собой, – кивнул Стас. Он проголодался и играть в словесные игры был не в настроении, поэтому довольно грубо поинтересовался, – Спрошу по другому: кто у вас самый равный среди равных, ну или, кто равнее других?

– Вы имеете в виду нашего Проводника?

– Наверное, – пожал плечами Стас.

– Ожидайте. Я узнаю, будет ли с вами разговаривать Проводник.

Парень, солидно выпятив грудь, шагнул обратно в дом. Не прошло и минуты, как вместо него показался мужчина в белой рубашке, тот, кто полчаса назад заливал в уши девушкам сладкую патоку. Красивое, мужественное лицо. Ясные, голубые глаза смотрели приветливо и с интересом.

– Добрый день.

– Добрый, – кивнул Стас. – Вы Проводник? Я к вам по делу.

– Понимаю, не любите зря терять время. Мне нравится ваш стиль. Что же за дело вас привело в такую глушь, раз вы не побоялись отправиться один в такой опасный период.

– Не понимаю... В чем опасность?

– Так вы еще не знаете? – воскликнул мужчина в белой рубашке. – В наших лесах объявился медведь-людоед! Милейший Алексей Викторович еще утром предупредил нас о беде. Уверен, что в Коврово и Лесном уже в курсе. Где же вы были все это время? Или вы не из деревни?

– Гулял, – нахмурился Стас. Легкая прогулка по лесу могла обернуться кровавым пиршеством для одного и бесславной смертью для другого. – Но, вернемся к делу. Мне бы очень хотелось встретиться с девушкой по имени Ольга Коротаева. Я действую по поручению ее родителей.

Проводник задумался, медленно кивнул.

– Понимаю. Родным тяжело отпускать от себя детей. Даже Матушка любит, когда ее создания возвращаются...

– Так что? Она здесь? Я могу ее увидеть?

– Здесь и не здесь, – серьезно проговорил Проводник.

– Я не силен в ребусах, – усмехнулся Стас. – Можно сразу ответ?

– Мои девушки вольны встречаться с кем угодно и когда угодно. Я не тиран этого места, а девочки – свободны здесь, как ни где более. Но бывают дни... Моя девочка, прекрасная Ольга, сегодня не с нами. Сегодня у нее день второй встречи с Матушкой... Только к утру Ольга вернется к нам, людям...

– Ясно, – кивнул Стас. В общих чертах он уловил суть – Ольгу ему сегодня не покажут, и поговорить с ней не позволят.

– Завтра, приходи завтра. В это же время, – предложил Проводник. – Сейчас же, я могу предложить тебе в помощь своего сына – Никиту. Он отвезет тебя в Коврово на мотоцикле. Хозяин никогда не нападет на мотоцикл.

А еще ты хочешь убедиться, что я точно убрался отсюда подальше, усмехнулся про себя Стас.

– Благодарю. Обойдусь. Не могу лишиться ваших девушек надежных мужской защиты, пусть даже на час. Если сюда нагрянет медведь, то вам помощь потребуется гораздо сильнее.

Проводник нахмурился, ответ ему не понравился. Парень в черной рубашке что-то быстро зашептал ему на ухо.

– Мы не боимся Матушки – мы готовы к встрече с ней. А вот, вы, люди невидящие, не понимаете... Оставайся у нас до утра, – вдруг сказал Проводник. – Столичные гости у нас редкость. За разговорами и время пролетит, Ольга вернется.

– Нет. Не останусь. Завтра приду, – твердо отказался Стас, Он предпочитал проводить ночь, будучи полностью уверенным, что никто не будет пялиться на него спящего и не вздумает прошерстить его вещи.

– Воля твоя...

Стас спиной чувствовал недоверчивый взгляд, пока не скрылся за поворотом.

Хоть и не меняется расстояние, а обратная дорога всегда быстрее и легче. Только немного напрягало, что на этот раз приходилось гораздо чаще осматриваться по сторонам. Встретиться с медведем нос к носу Стас не планировал. Вечернее солнце стремилось к горизонту, и дремучий ельник не позволял поздним лучам разгуляться по лесу. Стас ускорил шаги. Сумерки в лесу накатили быстрее, чем он рассчитывал.

Густая тень леса рассеялась, стоило Стасу выйти к деревне. Над ней еще царил мягкий свет розово-оранжевого заката.

Стас поднялся на крыльцо, толкнул дверь. Заперто. Люди в деревне не имели привычки запирались, когда в доме кто-то есть, если только не наступает ночь. Алиса ушла прогуляться? Или же бросила все и укатила в город, выполнив завет деревенского гопника? Он огляделся в поисках подсказки. Двор ничуть не изменился со времени его ухода. Все осталось на своих местах и ничего не добавилось. Стас вздохнул и сильно грохнул кулаком в доски двери.

– Кто это? – вдруг донесся до него напуганный голос.

– Это я, Стас.

– Господи, наконец-то!

Лязгнул внутренний засов, и дверь приоткрылась. На Стаса уставились настороженные синие омуты глаз девушки.

– Я подумала, что это хулиган косматый, – пояснила она запертую дверь.

– Медведь – людоед, а не самоубийца. Даже ради нежного мяса молоденькой девушки он не пойдет в центр деревни среди бела дня.

– При чем здесь медведь? Я имела ввиду волосатого парня, который ко мне цепляется.

– Он опять угрожал?

Стас устал, мотаться по горам, заросшими лесом, было непривычно. Ноги гудели. Тело покрылось тонкой пленкой пыли и пота. Хотелось помыться и поесть, а не бегать по деревне в поисках неудачника, который развлекается тем, что, пугает молодых девушек.

– Не так, чтобы очень... В общем, я с ним поговорила...

– Вот и отлично, – оборвал ее Стас на полуслове.

Разборки со шпаной отменяются. Искренне обрадовавшись, он сбросил с плеча рюкзак на пол, подхватил полотенце и направился в баню.

– Ты куда? – встрепелась Алиса.

– Помыться, – бросил он через плечо, раздражаясь оттого, что она не замечает очевидных фактов.

В парной было сумрачно и прохладно, Стас успел наполнить таз, когда за спиной послышалась возня. Он резко обернулся, хмыкнул. Алиса устраивалась в предбанке на лавке. Стас и не заметил, как она увязалась за ним собаченькой. Поджав под себя ноги, она откинулась на стенку и приготовилась к ожиданию.

– Тебе чего? – поинтересовался Стас, догадавшись, что она не собирается оставлять его в одиночестве.

– Я тут посижу.

– Зачем?

– Вместе веселей.

– Мне – нет. Если ты не поняла – я помыться хочу, и половозрелая племянница за спиной меня немного напрягает.

– Глупости. Ты же просто умоешься, ведь так? В холодной бане все равно никто полностью не моется. Но, если ты стесняешься – клянусь, что не буду подсматривать.

Стас глубоко вздохнул, медленно выдохнул через нос. Не то чтобы его смущали свидетели водных процедур, просто сейчас у него не было настроения вежливо отвечать на вопросы дотошной племянницы. А накалять отношения с ней он пока не планировал. Еще не известно, сколько ему предстоит здесь торчать. С Ольгой встретиться не удалось, а от ее мужа и вовсе ни слуху ни духу. Как будто и не было его в секте. Да, вопрос... Может, он вовсе не добрался до «Сухого Колодца»? И медведь вчера не впервой полакомился человеческим мясом...

– Тебе кто про медведя сказал? Участковый?

Стас усмехнулся – девушке явно требовался собеседник. От скуки она была готова болтать о чем угодно и в каком угодно месте.

– Проводник из «Сухого Колодца».

– Из секты, что ли? Далеко тебя прогулка завела. Бабушка говорила, что местные по ту сторону горы ходить не любят. Болота бояться.

– Болота? Я вроде по сухому шел.

– Ты по колее ходил?

– Да.

– Так это длинная дорога. Если по долине спуститься и обойти Плешивую с востока, то пешком будет ближе раз в десять. Впрочем, по тропинке через болота не каждый рискнет прогуляться. Говорят, сектанты по ней ходят, когда в деревню налегке надо смотаться. Ну и колдун. Куда ж без него? Уверена, это он тропу для сектантов проложил, никто другой не смог бы.

Раздевшись по пояс, Стас склонился над тазом, вылил себе на голову ковшик холодной воды. Кожа вмиг покрылась мурашками от холодных струек, сбежавших по телу. Стас довольно фыркнул, ощущая, как к телу возвращается бодрость.

– Бобров к нам утром заглядывал, велел с тобой беседу провести, чтобы ты не таскался по лесу без необходимости.

– Понятно.

– Понятно – что? Ты больше не пойдешь в лес?

– Понятно – значит, что я услышал предупреждение.

– Что тебе там делать? Любуйся елками из деревни. Опасно сейчас в лесу: медведь, болота...

Да она сама боится, вдруг понял Стас. Интересно, что бы она делала, если бы он не приехал?

Пусть в деревне, но спать одной в доме, когда вокруг бродит бурая гора с когтями, не очень то и сладко... Вся ее надуманная дерзость и смелость вмиг забьется в пятки, стоит косолапому разочек рыкнуть с горы.

Закончив умываться, Стас быстрыми движениями взлохматил на голове волосы полотенцем, растер спину и, оставив полотенце на плечах, шагнул из парной. Ни слова не говоря, прошел мимо девушки. Алиса обрадовано подскочила, бросилась за ним.

К крыльцу подошли молча. Столкнулись взглядами у самой двери. Она смотрела на него серьезными прищуренными глазами, будто задумалась о чем-то. Он сразу понял – видела. Да и трудно было не заметить – полотенце едва прикрывало широкие плечи, что уж говорить о спине. Невольно, про себя, он отметил, что на лице у нее не было любопытства, да и наигранного сочувствия он тоже не уловил. На всякий случай Стас тяжело качнул головой, предотвращая вопросы. Алиса никак не отреагировала, только еще больше прищурила глаза.

Не дожидаясь, когда она надумает выдать какую-нибудь реакцию, Стас аккуратно подвинул ее плечом, освобождая проход. В комнате чистая одежда позволила наконец-то почувствовать себя человеком, а не лешим с горы.

– Есть будешь? – крикнула Алиса ему из кухни. – Я картошки нажарила.

Он еды Стас отказываться не стал. За целый день у него во рту не было и крошки. Картошка была еще теплой, и он быстро заполнил желудок, не обращая внимания на косые взгляды своей племянницы.

– Послушай, – она первая не выдержала затянувшейся паузы. – Понимаю, что сейчас скажу глупость, но ты сразу не смейся.

Стас сжал зубы, исподлобья уставился на девушку. Ну вот, начинается... Все-таки не вытерпела. Как бы ее осадить, да так, чтобы сильно не обидеть?

– Участковый просил предупредить тебя не только о медведе...

Озадаченно приподняв бровь, не этого он ожидал, Стас осторожно поинтересовался:

– О чем еще?

– Я про болота, ну, те, что по другому склону.

– И что не так с этими болотами?

– Там люди тонут, – спрятав глаза, проговорила Алиса.

– Люди и в лужах тонут, что уж говорить о трясины.

– Не все так просто. Эти болота... Они живые. Им жертвы постоянно нужны.

– Та-а-ак, – протянул Стас. Чего он не планировал услышать, так это страшную народную сказку. Из уст городской девушки это звучало особенно необычно. Заметив, как она насупилась от его недоверчивого возгласа, он ее подбодрил:

– Продолжай. Древние предания не всегда пустопорожняя болтовня, иногда в них кроется здравый смысл.

– Нечего продолжать, – развела Алиса руки. – Я уже все сказала. Местные верят. Моя бабушка верила...

– А, ты, веришь?

– Нет, конечно, – не раздумывая, рубанула девушка. – Но ты все равно не ходи в ту сторону. Говорят, болота специально человеку в уши нашептывают всякое, чтобы ближе подманить.

– Секта давно обосновалась за горой?

– Года три. Может меньше. Не уверена... Я же про все от отца знаю – это он здесь часто бывал. Да из писем бабы Таси.

Алиса вдруг забежала глазами по кухне, выискивая тетрадку. Та осталась лежать на узком подоконнике, прямо перед Стасом.

– Что это? – спросил Стас, заметив ее интерес. Он подхватил тетрадь, быстро пролистал. Девушка дернулась, грозно приказала:

– Не смей трогать!

– Ты из-за пустой тетради так завелась? – усмехнулся Стас, но тетрадь все же отдал, с любопытством наблюдая, как девушка, выдавая себя, непроизвольно провела пальцами по первой пустой странице, как если бы там был шрифт Брайля.

– Это тетрадь бабы Таси. В ней она писала письма, – решила на откровенность Алиса. – Последнее письмо мы так и не получили.

– Может, и не было никакого письма?

– Было. Я знаю.

В доказательство своих слов девушка сунула тетрадь ему под нос.

– Видишь, вдавленные следы от ручки? – она провела указательным пальцем по пустым строкам. – Отчетливо можно разобрать только последнее слово – «приезжай». Я помню, что такого письма не было.

Тетрадь вновь оказалась в руках Стаса. Он повертел ее под последними лучами заходящего солнца. Ничего не увидел. Включил лампочку под потолком. Подставил тетрадь под электрический свет.

– На самом деле прочесть, что здесь написано, не составит труда, даже без экспертов. Всего на всего нужен простой грифельный карандаш и немного терпения. Если слабым нажимом заштриховать весь лист карандашом, то впадины от слов проявятся белым на сером фоне.

– Я не буду этого делать, – отмахнулась Алиса. – Быть может, это предназначалась вовсе не для моих глаз...

Пожав плечами, Стас крепко сжал челюсти, резко мотнул головой, освобождая мозг от внезапно накотившего желания. Не следует дяде заглядываться на декольте племянницы... Алиса, не подозревая о неуместных желаниях Стаса, будто нарочно дефилировала по кухне, размахивая тетрадкой. Белая майка выгодно подчеркивала фигуру девушки, оставляя открытыми плечи, руки...

– Выйдем на крыльцо? – раздраженно проговорил он. Там будет, куда устремить взгляд, помимо мельтешащего перед глазами молодого упругого тела...

5

Отказавшись тратить время на завтрак, на ходу подхватив рюкзак с водой и всякой мелочью необходимой в коротком походе, Стас, стараясь не шуметь, выскользнул из дома. Любопытная теплой и сонной, только из постели, племянницей, было выше его сил. Разжиться едой перед дорогой он планировал в магазине.

Новый день, как и прошлый, обещал быть солнечным и безветренным. Будь воля Стаса, он бы добавил этому идеальному утру немного свежего ветерка и, быть может, даже небольшую облачность. Но погодой управлять он не умел и поэтому, прикрывая глаза от солнца, он лишь круче опустил козырек бейсболки.

У магазина, несмотря на ранний час, трепались тетки, перемывая косточки своим мужикам. Приметив Стаса, они притихли, и с нескромным вниманием принялись его разглядывать.

– Здравствуйте, дамы, – вежливо поздоровался он, сделав вид, что приподнимает бейсболку, словно шляпу.

– И тебе не хворать, – бойко ответила самая молодая, с тугой косой на плече. – Смотри-ка, городской, а не спится.

– Спешу насладиться природой, – широко улыбаясь, ответил Стас.

– Как бы природа не насладились тобой, – приснули бабы, прикрывая рты ладонью. – Про хозяина слышал?

– Слышал, – кивнул Стас. – Так я не вкусный. У вашего хозяина от меня изжога начнется.

Бабы дружно захохотали в голос.

– Чего ржете, дуры? Нашли, над чем насмехаться, – на ходу рывкнул на них пожилой мужчина. Хотя пожилым его назвать язык не поворачивался. Высокий и худой, как оглобля, несмотря на возраст, он нес свое тело легко, естественно, без малейшей медлительности, свойственной пожилым людям. Волосы на солнце отливали серебром, подчеркивая черноту глаз. Он задержал долгий, тяжелый взгляд из-под нависших век на Стасе, грозно зыркнул на женщин. Они под взглядом старика сжались, будто из них вдруг разом вышел весь воздух, поправили глаза. Не приостанавливаясь, старик быстрым шагом проследовал дальше.

– Кто это? – спросил Стас у притихших баб, когда старик отошел на приличное расстояние.

– Колдун наш.

– Вот как? У вас тут и колдуны настоящие есть... – серьезно проговорил Стас. – В Москве тоже все сплошь экстрасенсами заделались...

– Слышали мы про ваших ряженных... Их как по телевизору начинают показывать, так мы эти программы, как юмористические смотрим – смеемся всей деревней, – хохотнула баба с гулькой из волос на голове.

– Говорят, у вас и болота заколдованные имеются...

– Имеются, – вдруг тихо подтвердила женщина. – Ненаша мать.

– Почему «не наша»?

– Дурак дураком, – хмыкнула женщина. – Не «не наша», а Ненаша. Имя такое у человека было – Ненаш. Он первый сумел с марью договориться.

– О чем? – неожиданно для себя заинтересовался Стас. Женщины стояли тихо, с каким-то благоговейным трепетом слушая ту, что с гулькой на голове. Она замялась, облизнула губы.

– Расскажи ему, Галка, чай не секрет выдаешь, – подбодрила ее девица с косой.

– Когда поселок здесь купцы основали, скупщики пушнины, стало быть, все по началу хорошо было, пока однажды вдруг не пересохли колодцы... За водой пришлось ходить на родник, что под Лисьей горой бьет.

Галка махнула рукой в сторону, за деревню, указав рукой на гору с раздвоенной вершиной, напоминающей торчащие уши лисы.

– И люди начали болеть. Сильно болеть. Купцы, охотники, дети, бабы – все без разбору. Умирать начали... Послали тогда за лекарем в город. Лекарь городской ехать в глушь не пожелал, и привезли гонцы с собой вместо доктора знахаря случайного. Ненаш его звали. Где они его встретили, сейчас уже и не знает никто. Ненаш два дня по округе волком рыскал, потом два дня молчал – думал. А на третий к вечеру ушел на болота прятаться и строго настрого приказал его до утра найти. Так и сказал: «Как отыщите меня, так и вода в колодцах поднимется, и люди болеть перестанут».

Весь поселок бросился его искать, с факелами, с фонарями керосиновыми. Да разве они помогут не заблудиться в болоте-то? Перед рассветом Ненаш сам к людям вышел, бледный, будто сам покойник, и сказал: «Все. Теперь все будет хорошо». И вправду, на следующий день земля будто дохнула и колодцы дном заблестели, заволновались... Люди обрадовались и как-то за общим счастьем-то не сразу все и заметили, что двое человек с мари не вернулись. Говорят, один сиротой был, другой охотник пришлый... Ненаш из деревни уезжать не стал – остался местным колдуном и знахарем. К нему со всей округи люди ходили... И повелось с тех пор, как колодцы пересыхали, Ненаш ночью на болоте прятался, а люди искать его ходили. Как найдут, так вода возвращалась... Много людей не вернулось с тех ночных поисков... В основном не наши, не деревенские...

– Жутковатая история... – протянул Стас.

– Захар Степанович правнук Ненаша. Теперь он болота успокаивает.

– Тоже прячется по ночам?

– На кой ему? Людей много чужих стало – сами в болото лезут и заманивать никого не надо.

– В смысле?

– Ты не понял, что ли ничего? – мрачно проговорила Галка, усмехнувшись одними губами. – Ненаш не прятаться ходил – он людей в трясину заводил. Болото он так кормил. Местные-то быстро его раскусили, далеко не забредали, ждали, когда сам выйдет. А пришлые козой в болото бежали, думали, что дело доброе делают... Болото выберет одного двух, остальных – отпустит. Никто не удивлялся пропажам – топь есть топь. Так и живем много лет.

Стас, не веря своим ушам, молча стоял, обдумывая услышанное. На дворе двадцать первый век, а люди приносят жертвы...

– Ты не бойся, – заговорила самая молодая, сделав не совсем верный вывод из молчания Стаса. – Колодцы нынче уже сохли. Болото сытое. Удобно, когда секта рядом.

– При чем тут секта? – не понял Стас.

– Так говорят же тебе – Ненаша Марь своих не берет, когда чужие под боком...

Галка вдруг дернула молодую девку, шикнула на нее, призывая к молчанию.

– А что? Пусть знает... Он же не чужой – бабы Таси родственник.

– Ему здесь не жить и подробности знать не к чему.

Стас понимающе кивнул: Галка защищала свою сытую жизнь. Для него это выглядело, как предумышленное убийство, но для жителей деревни – как гарантия безопасности для них самих, для их детей и близких. Только вот одно не сходиться – не бывает в природе болот, которые требуют кормить их мясом человеческим. И все, во что верили эти бабы – грандиозный обман. И бог, с ними, пусть заблуждаются себе на здоровье, если бы эти заблуждения не призывали к настоящему убийству.

Он клятвенно пообещал не трепаться при посторонних и, затарившись провизией, направился в лес. Ему обещали встречу с Ольгой, он не хотел опаздывать.

Выйдя за деревню, Стас задумался. Сектанты часто ходят в поселок за продуктами и прочими нужными вещами, каких в лесу не раздобыть. Пешком они ходят через Ненаша Марь.

Может, стоит и ему попробовать сократить путь? У него останется время понаблюдать за жизнью секты.

Плешивая гора со стороны болот обрывалась крутым утесом. Вплотную к стене подступали низкорослые заросли чахлых кустов. Скала круто заворачивала влево и начиная от стены, на сколько хватало взгляда вперед и вправо – тянулась зелено-бурая равнина, изредка разбавленная чахлыми, невысокими деревьями. Местами проглядывала черная гладь воды, освобожденная от ряски гуляющим над болотом легким ветерком.

Болото вдавалось в берег неровным краем. Словно ярко-зелеными щупальцами сфагнума, оно то и дело норовило захватить любую впадину на суше. Стас прошел метров на десять по твердой земле вглубь болота как раз между таких впадин.

Изумрудно-зеленый мох скрывал под собой все следы человеческой деятельности. Стас, прищурив глаза, метр за метром осматривал пространство вдоль берега. Не может быть, чтобы люди не оставили вешки. Их нужно только найти... И он увидел. Тонкая палка, неестественно прямая и ровная для простого деревца, чуть наклоняясь, почти спряталась за белым стволом березы. Если бы Стас сразу прошел вдоль берега еще метров сто, то он бы без особого труда наткнулся на тропу.

Стас вернулся с языка на твердую землю и, не спуская глаз с покосившейся палки, направился в ее сторону. Так и есть. Это была первая отметина для безопасного пути. Подобрывающийся рядом длинный шест с небольшой рогатиной на конце, Стас ступил на болото. Мох мягкой периной поддался под ногами. Стас почувствовал через кожу ботинок, как ноги окутал холод. Не вода, а именно холод. Леденящий, пронизывающий, обжигающий. Как если наступить босыми ступнями в снег...

Выдернув ногу из объятий мха с влажным чавкающим звуком, донесшимся, словно из-под земли, Стас сделал второй шаг... Поднял голову и почти сразу увидел следующую вешку.

Если не принимать во внимание влажный холод ото мха, каждый раз окутывающий ноги, то он шел практически посуху. Вешки торчали часто, он за раз мог видеть до трех штук. Тропинка не всегда вела прямо, бывало, третья вешка казалась ближе, чем вторая, но между ней и первой было удивительно ровное пространство без кочек и мелких кустиков, лишь в самой середине виднелась открытая вода. Стас ткнул палкой в край буро-зеленого ковра. Сплавун дрогнул, заволновался, несколько раз тяжело колыхнулся и затих, передав волнение открытой воде.

– И зачем я полез в эту топь? – проворчал себе под нос Стас. Чтобы с косолапым избежать встречи, заодно время сэкономить, напомнил он себе. Медведи, в отличие от людей, не лезут в болота почем зря. Они их лучше обойдут по сухому, тем более, что торопиться им особо некуда. А Стас торопился... В секте его ждут к обеду и наверняка отправят на встречу человека, чтобы помешать полюбоваться укладом общины незаметно. Неправильная была община. И как секта – неправильная. Стас и сам не мог толком объяснить, почему ему так показалось.

Полтора часа проведенные на болотах, растянулся в голове у Стаса на десять. Таково было напряжение. Каждый шаг он проверял шестом, и все же несколько раз он проваливался в мутную няшу по колено. И пусть идти было тяжеловато, но он ни за что бы не променял бы этот путь на переход по пустыне. Шагая по песку не приходилось опасаться, что следующий шаг может стать последним, но там каждый шаг приближал смерть, а здесь каждый пережитый шаг приближал берег. Все зависит от конечной цели, решил для себя Стас, когда наконец-то уткнулся в стену прибрежных зарослей тростника отделяющих болото от живого леса. Вешки увели тропу от горы вправо довольно далеко и еще предстояло вернуться к подножью горы.

Дав себе на отдых минут десять, он тронулся вдоль едва заметной тропинки к Плешивой горе. У подножья тропинка резко обрывалась, предлагая путнику карабкаться вверх по камням. Стас поставил одну ногу на ближайший валун, поднял голову, чтобы оценить всю трудность подъема, как заметил на вершине здорового парня с карабином наперевес. Парень

беззаботно стоял к краю спиной, высматривая что-то в ельнике перед собой. О, как они меня ждут, даже почетный караул выставили, усмехнулся Стас про себя.

Он передумал подниматься и притаился под тенью скалы. Вряд ли парень держал карабин наготове для встречи со Стасом, скорее, он опасался свидания с косолапым. При желании Стас мог бы легко решить вопрос с часовым, но все методы подразумевали применение насильственных действий, что рано или поздно станет известно в секте, а ссориться с ними не велено...

Бродить тайком по лесу и рисковать своим скальпом в ожидании приемных часов у Проводника, Стас тоже не собирался. Плевать на правила хорошего тона. Он вышел из тени и нарочно шумно начал карабкаться на скалу – пусть встречают и выкручиваются, как хотят.

Парень с карабином, заслышав постороннее клацанье от переката мелких камней, поделовому глянул вниз, кивнул Стасу, как старому знакомому и опять отвернулся к лесу.

– Не боишься один ходить? – спросил парень, как только Стас добрался до него.

– Я ж городской, от меня химией за километр тянет. Ни один зверь меня за свежее мясо не посчитает.

– Шутник? – хмыкнул парень. – Посмотрел бы я, как ты в когтях то шутить будешь.

– В когтях – не буду, – проговорил Стас серьезно.

– Вот и я так думаю, – ответил парень, неотрывно следя за лесом. – Полчаса назад в лесу ворочался кто-то, тяжелый. На глаза не показывается... Ты к Ольге пришел?

– Да.

– Рановато...

– Так вышло.

– Тогда тронулись потихоньку. В поселке ее дождешься. Назад только поглядывая.

Дальше шли молча, прислушиваясь к каждому шороху, замирая от каждого треска. Парень был здорово напуган. Не охотник. И даже в срочниках не ходил. У Стаса чесались руки забрать у него карабин. То, как парень обращался с оружием выдавало в нем абсолютного профана, максимум, он пару раз стрелял по пустым банкам.

Уже перед поселком, когда за деревьями угадывались силуэты домов, парень повеселел, шагать стал вразвалочку, карабин и вовсе небрежно перехватил одной рукой.

Треснуть бы его хорошенько, подумал Стас, чтобы не расслаблялся раньше времени. Они как раз находились в той полосе, где медведю-людоеду в самый раз делать засаду – недалеко от поселка и под прикрытием густого леса.

– Тебя как зовут-то, воин?

– Дмитрий.

– Вот что, Дмитрий. Ты ружье свое наостри. Если мишка проголодался, то он сейчас как раз вокруг поселка бродит, и мы в аккурат ему в пасть идем. Вот он обрадуется-то!

Дмитрий испуганно вскинул ружье, на каблуках быстро обернулся вокруг своей оси. Стас едва успел присесть, чтобы не оказаться под прицелом.

До самой общины Дмитрий шел, насупив брови и водя стволом карабина по сторонам. Стас уже пожалел, что напомнил парню о медведе. С таким напарником приходилось думать не о посторонней опасности, а только о том, как не угодить под шальную пулю. И когда они благополучно ступили на территорию общины, Стас по настоящему вздохнул с облегчением.

Проводник поджидал их на крыльце. По-прежнему в белой рубахе и со снисходительной улыбкой на лице. Сплошное воплощение доброты и отзывчивости во плоти.

– Ты раньше, чем мы договаривались.

– Хочу поскорее убраться домой из этой дыры. Устал шараться от каждого деревца.

Проводник понимающе улыбнулся, скользнул взглядом по мокрым ботинкам.

– Через болота иди не побоялся...

– В болота медведь не ползет...

– Проходи в дом. Там Ольгу подождешь, нечего девочек моих смущать.

В доме, пройдя через прихожую, он сразу попал в просторную комнату. Вдоль стен тянулись длинные лавки, как в школьном зале для физкультуры. В почти пустой комнате в глаза бросалось подобие алтаря, у противоположной от двери стены. Только не иконам здесь молились, а стояли за широким престолом деревянные истуканы в человеческий рост. Грубо вытесанные из дерева они грозно смотрели из-под тяжелых бровей.

Дима протиснулся мимо застывшего Стаса, быстро дернул шторы на окнах, занавешивая вид на площадь. Шторы были черные, из очень плотной ткани, ни пропускающей ни один лучик света. Комната мгновенно погрузилась во тьму.

– Как-то не очень гостеприимно держать гостей в потемках, – проворчал Стас и осторожно, пока глаза не привыкли к темноте, двинулся к лавке.

Дима уже и сам понял, что переборщил с секретностью. Поддернув тяжелую ткань на самом крайнем окне, он позволил свету проникнуть в комнату через полоску шириной всего сантиметров десять. Этого было достаточно, чтобы без особого труда различить предметы в комнате. Убедившись, что Стас в кусок свободного от шторы окна сможет увидеть только буйную зелень деревьев, Дима присел рядом.

– Так и будем торчать во мраке?

– Сам виноват, нечего было раньше приходить, – проворчал Дима. – Нянчись теперь с тобой...

– Так иди, куда душа зовет, я и один могу подождать, – предложил Стас.

– У нас свои порядки, ты мне не указывай, – насупился Дима.

– Понял, – Стас поднял ладони.

Какое-то время сидели молча. С улицы не доносилось ни звука.

– Не скучно тебе здесь? – лениво спросил Стас.

– Нет, – быстро мотнул головой парень, сдержанно хохотнул. – Мы бате помогаем. Работы много.

– Мы? – переспросил Стас.

– Ну да. Я и трое братьев моих. Отец у нас здоровый, только сыновей строгал, – гордо процедил Дима. – Я, когда женюсь, тоже сыновей себе наклепаю.

– Ты же в курсе, что для этого недостаточно одного твоего желания? – осторожно поинтересовался Стас, заподозрив собеседника в недалеком уме.

– Конечно, – солидно кивнул парень. – Я же не дурачок. Я все продумал: если баба моя девкой понесет, то выкидыш ей устроим. На хрен плодить этих куриц? Вон, полный двор их носится, а толку? Как представлю, что моя дочь здесь может оказаться, меня аж в жар бросает.

Да уж... Тут и сказать нечего. Парень для себя уже все решил. Стас искоса на него взглянул, вздохнул, заранее пожалел девчущку, что согласится связать свою жизнь с таким дуболомом.

– Твой отец – это Проводник?

– Ну да.

Стас откинулся на стенку. Семейный подряд, значит. Отец и компания. В общем, ему было плевать. Он не собирался учить жизни других людей, просто иногда поражался, насколько люди готовы верить во что угодно, лишь бы не искать причину своих несчастий в себе. А чему тут удивляться? Власть имущие веками отбивали у людей способность думать самостоятельно, навязывая им веру. Не в идолов, так в сына божьего, не в сына божьего, так в светлое будущее коммунизма. Теперь вот опять церковники людей под себя гнут... Стас зевнул, растянулся на лавке, подsunул под голову рюкзак, закрыл глаза. Почему не подремать, когда позволяют обстоятельства?

Ольгу привел сам Проводник. Молодая девушка с очень длинными рыжими волосами. Довольно симпатичная, но все портил какой-то тусклый, безразличный взгляд. От унылого

вида не спасали даже россыпь веснушек на носу и щеках. Наверняка, в городе она пыталась от них избавиться всеми доступными способами, подумал Стас, разглядывая девушку. На фото, что ему показывали ее родители, кожа на лице у нее была девственно чистой.

– Вы не оставите нас одних? – попросил Стас Проводника.

– Да, конечно, – легко согласился Проводник. Склонился над девушкой, по отечески чмокнул ее куда-то в макушку и, поманив за собой Диму, покинул комнату.

– Меня Стас зовут. Тебе сказали, зачем я здесь?

– И без слов понятно – приехал увезти меня домой, – безучастно проговорила Ольга.

– Твои родители очень волнуются. Они тебя любят и ждут.

– Не хочу домой. Здесь останусь.

По-прежнему пустой взгляд в никуда, тусклый ровный голос. Стас придвинулся ближе.

– Твой муж, Виталик...

Он скорее угадал, чем заметил, как Ольга встрепенулась, но быстро взяла себя в руки, опять погрузившись в состояние тряпичной куклы. Очень интересно... Она точно не под препаратами, отметил ее реакцию Стас. Значит, безучастность наигранная? Ей угрожают?

– Он был здесь?

– Да. Я его прогнала. Я же сказала – не хочу туда, в город. Теперь мой дом здесь, у Матушки. Я ее слышу. Она ждала меня много лет. Мы заново знакомимся... Здесь хорошо.

– Когда ты видела своего мужа в последний раз?

– Три недели назад, может две... Не помню...

– Он не вернулся домой.

Ольга быстро сверкнула глазами на Стаса, сжала кулачки, но тон не изменила.

– Глупый. Наверное, ждет меня в Коврово. Пусть ждет... Мне все равно. Я не вернусь, пока Матушка меня не полюбит так сильно... Так крепко... Чтобы я могла... Чтобы мой пустой...

– В Коврово твоего мужа тоже нет, – перебил Стас ее мечты.

Она вдруг всхлипнула, тоскливо взглянула на Стаса, будто он был ее последней надеждой.

– Мне все равно, – сказала она, противореча своему взгляду. – Мне больше не нужен муж. Это было так жалко... так глупо – хотеть замуж. Любить мужчину... У меня сейчас все по-другому. Проводник освободил нас от этой ничтожной зависимости. Ты тоже уходи. Я начала новую жизнь.

Девушка резко соскочила с лавки, почти выбежала из комнаты. Стасу только и оставалось, как с недоумением проводить ее взглядом. Тут же в комнату шагнул Проводник, будто все это время поджидал за дверью. Сразу прошелся вдоль окон, раздвигая тяжелые портьеры. Солнечный свет ворвался в комнату, брызнул на деревянных истуканов, возвращая им яркость и выразительность.

– Ольга еще недавно у нас, – будто извиняясь, начал проводник. – Прости ее за горячность. Но я не могу винить ее за это. Когда она полностью сольется с Матушкой, примет ее, тогда она откроет для себя все возможности выбора.

– Разве у нее нет сейчас возможности выбрать?

– О, разумеется, есть, – улыбнулся Проводник. – Только она сама запретила себе его делать. Та причина, по которой она оказалась здесь, еще довлеет над ее разумом. Но очень скоро, после восьми, может десяти встреч с Матушкой наедине, Ольга освободится от предрассудков и сможет свободно жить где угодно, не теряя связь с Матушкой.

– Ты хочешь сказать – я рано за ней приехал?

– Ну да, – просто кивнул Проводник. – Как бы я не скучал по своим девочкам, но они покидают меня рано или поздно. Когда приходит время, они возвращаются туда, откуда пришли. Я ни кого не держу насильно, лишь помогаю наполнить их души светом и счастьем.

– Встреча с Матушкой... Что это значит?

– Э-э, нет, дружок, – хитро прищутив глаза, Проводник отрицательно покачал перед Стасом пальцем. – Встреча с Матушкой – это таинство не для невидящих.

– И все же я намерен еще раз поговорить с Ольгой. Может быть, через несколько дней... Слишком долго я сюда добирался, чтобы уехать с пустыми руками, – проворчал Стас.

– Как знаешь, – Проводник пожал плечами. – Но я обязан напомнить – ты сильно рискуешь, продолжая гулять по лесу, словно по городскому парку в выходной день.

– Как Виталик? – вдруг резко спросил Стас.

– Виталик? А, муж Ольги... – Проводник грустно вздохнул. – Он уехал... Все мужья уезжают. Кто будет ждать, когда наполнится колодец, если в мире столько полных?

* * *

На ее призыв идти к завтраку никто не откликнулся. Тогда Алиса предупреждающе стукнув в прикрытую дверь комнаты, заглянула внутрь. Никого. Девушка разочарованно прошла по пустой комнате. Задержалась у аккуратно застеленного дивана, присела. Нестерпимо захотелось провести ладонью по подушке. Несколько секунд она боролась со своим глупым желанием... Нельзя... Все же не справилась, коснулась кончиками пальцев белой наволочки, представляя себе призрачное тепло мужского тела.

Интересно, какая у него жена?

Необходимость скрывать свою слабость настолько въелась в натуру девушки, что порой она забывала, какого это – быть слабой. Самостоятельно принимать решения, каждый день быть начеку и постоянная готовность дать отпор каждому, кто посягнет на ее право быть независимой... Она смеялась над подругами, которые периодически сватали ей «сильных» мужчин. Эти забавные баловни судьбы искренне считали, что покорят любую даму, стоит им снять майку и продемонстрировать бицепсы, трицепсы и что там у них еще увеличивается от постоянных занятий в спортзале.

Вчера она впервые за долгие годы скинула с себя кольчугу. Сама толком не уловила, как попала под влияние карих, внимательных, чуть насмешливых глаз.

Стас, хоть и был не старше тех мужчин, с какими у нее периодически завязывались отношения, казался ей матерым зверем. И как бы она ни пыжилась перед ним своей стальной решительностью, он раскусил ее на счет «раз». Она уловила это на каком то подсознательном уровне. Снисходительный взгляд, скупые слова, уверенная поза. Ее интуиция просто взвыла сигнальной сиреной.

И почему судьба подкидывает такие злые сюрпризы, грустно вздохнула Алиса. Она была убежденна и почти смирилась с мыслью, что таких мужчин не бывает на свете, а теперь... Теперь она не сможет даже смотреть в сторону молодых увальней, что выются вокруг нее. Родители наверняка расстроятся, когда узнают, что замуж она не выйдет. Второго такого мужчину не найти. А о первом нечего даже и думать – родственник все-таки.

По плану сегодня был день чистки буфета. Алиса в сарае нашла скрипучую тележку на двух колесах, подогнала ее к крыльцу. Зашла в дом, остановилась перед буфетом. Разом распахнула все дверцы старого шкафа.

Отступив на шаг, окинула взглядом все банки. Да... Работы предстояло много. Алиса вскинула руки, намотала волосы на палец, ловким движением закрутила в шишку, выставляя на показ тонкую шею, и приступила к работе.

Полные, тяжелые, скользкие банки так и норовили вырваться из рук. Алиса выносила их на крыльцо по две за раз. Освободив одну полку и подхватив консервный нож, она перебралась на улицу. В тележку входило пять банок. Погрузив первую партию, девушка медленно покатила их в сторону скромного деревянного сооружения, скрытого давно отцветшим кустом сирени.

Много времени заняло вскрытие банок и их опустошение. Пустые стеклянные банки Алиса скинула в мешок, нисколько не стараясь сохранить их целостность, напротив, те банки, что не разбились сразу от столь грубого обращения, она подтюкивала булыжником прямо через ткань мешковины превращая их в месиво из острых осколков.

К обеду однообразная работа утомила, и желудок призвал на кухню.

Пока вчерашняя картошка вновь набиралась жара на сковородке, взгляд Алисы упал на зелененькую тетрадь. Разве она сделает кому-то хуже, если прочитает письмо? Если только себе...

Быстрая проверка ящиков лишь подтвердила то, о чем Алиса и так догадывалась – простого грифельного карандаша в доме не было. Значит надо собираться в магазин. Алиса была из тех людей, что, поставив перед собой цель, сразу же начинали действовать.

Ближайший магазин не порадовал выбором канцелярских товаров. То есть в нем вообще не было ни одного товара, который можно бы было отнести к разряду канцелярских. Продавщица посоветовала Алисе спуститься к магазину на въезде.

– Там точно есть и простые и цветные карандаши. Магазин там побольше, туда и из Лесного ездят...

Посматривая по сторонам, Алиса отправилась дальше. Белый ангар нового магазина стоял вдали от домов и служил последним препятствием между деревней и полосой темного леса. Девушка живо представила себе, как бурый мишка выкатывается ей навстречу из-за угла. Приструнив себя за бурную фантазию, Алиса ускорила шаги.

В магазине карандаши были. И твердые, и мягкие, и цветные, и даже восковые. На всякий случай, купив два разных, Алиса подошла к дверям. Картина, как медведь выкатывается из-за угла, опять зарябила у нее перед глазами.

Яркие, сочные цвета летнего дня не могли затмить фантазию девушки у нее в голове. Она видела, как колесят дети на велосипедах по улицам деревни, как идут бабы с ведрами, как беззаботно, подставив незащитное брюхо солнцу, дремлет собака. И все же серая вуаль занавешивала взгляд, упорно не пропуская к мозгу реальность.

Краем глаза Алиса уловила темный силуэт, вынырнувший из-за угла белого ангара. Толком не разглядев, кто это, она трусливым зайцем метнулась обратно в магазин, и преодолевая сопротивление доводчика, потянула за собой стеклянную дверь. Крепко схватившись за ручку, она, не вполне доверяя своим глазам, с недоверием уставилась на мужчину, вдруг оказавшегося по ту сторону двери. Ее чокнутый приятель! Да что ж такое то! В сердцах Алиса едва не плюнула себе под ноги. Отпустила ручку, позволяя тому войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.